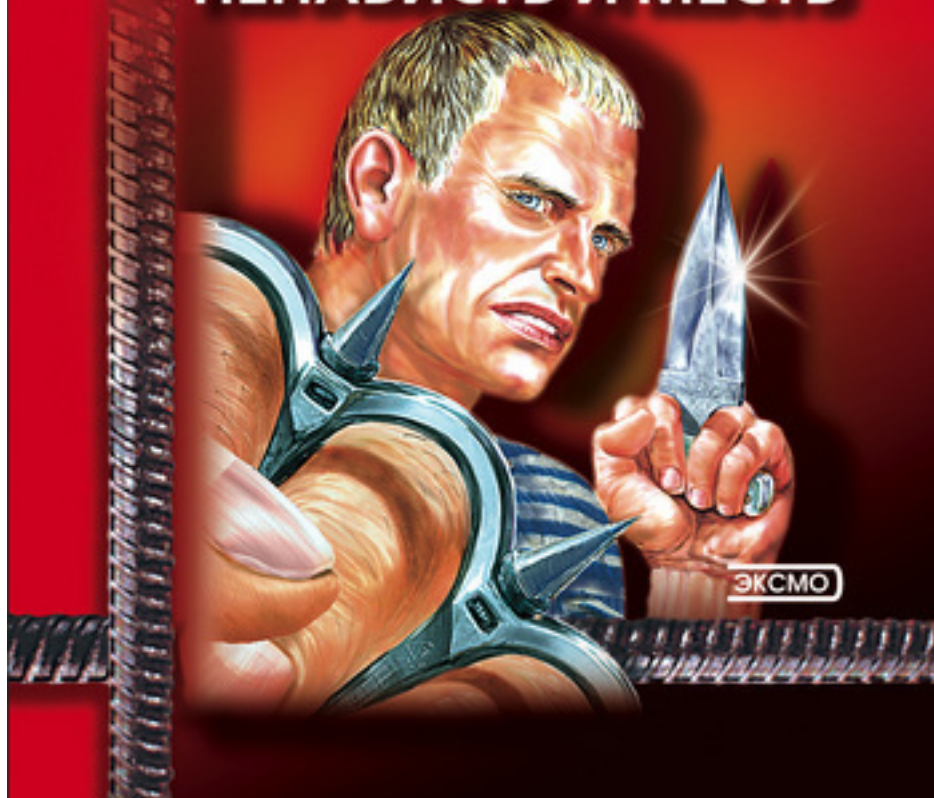

Сергей
Зверев

ЖИГАН

НЕНАВИСТЬ И МЕСТЬ

Жиган

Сергей Зверев

Ненависть и месть

«Научная книга»

2000

Зверев С. И.

Ненависть и месть / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2000 — (Жиган)

Жиган не из тех, кто зря льет кровь. Он терпелив и спокоен, словно свернувшаяся в тугой узел кобра. Но и его терпению есть предел. А враги, похоже, взялись за него всерьез. Уничтожена его бензоколонка, гибнут сотрудники его фирмы, да и сам он явно под прицелом. Но кобра хладнокровна и безжалостна. И так же, как невозможно уклониться от ее броска, нельзя укрыться от ненависти и мести Жигана.

© Зверев С. И., 2000

© Научная книга, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Зверев

Ненависть и месть

Глава 1

Пожар на бензоколонке первым заметил водитель «Жигулей» с орловскими номерами, оказавшийся на трассе в третьем часу ночи. Столб черного дыма, подкрашенного снизу алыми языками пламени, поднимался из-за деревьев к усыпанному мерцающими звездами небу.

В салоне автомобиля запоздалого путешественника, опасавшегося заснуть за рулем, на полную мощность надрывалась импортная магнитола.

В душе моей пожар,
Не знаю, что и делать...

Увидев за поворотом настоящий пожар, водитель тут же выключил музыку и сбросил газ. «Черт! – подумал он. – Никак рвануло?..»

Выехав из-за поворота, он тут же зажмурил глаза от нестерпимо яркого огня и машинально надавил на педаль тормоза.

Полыхало несколько резервуаров для хранения бензина. От огромной температуры края емкостей оплавившись, горящий бензин вытек на асфальтированную площадку, гудроно-бензиновая смесь, постреливая в разные стороны искрами, медленно приближалась к маленькому кирпичному строению в дальнем углу заправки.

Водитель «Жигулей» вышел из машины и, прикрывая глаза одной рукой, пошарил другой в кармане брюк. Вытащил мятую сигарету, закурил.

– Ну и дела... – покачал головой.

Ни на бензоколонке, ни рядом с ней машин не было.

«Это ж хорошо, что ночью... А если б днем?..»

Постепенно глаза привыкли к пламени, и, прищуриваясь, водитель опустил руку.

– Это что такое?

В нескольких шагах от диспетчерской автозаправки, к которой уже подползала огненная лужа, он заметил неподвижно распростертое тело. Больше того, ему почудилось даже, что в зарешеченном окне мелькнул какой-то неясный силуэт.

Протирая глаза, водитель шагнул вперед.

Он не ошибся.

Сквозь окно можно было явственно различить искаженное от ужаса женское лицо.

Секунду поразмыслив, водитель выплюнул дымящийся окурок и бросился к диспетчерской. От жара полыхающего рядом бензина стекло в окошке строения лопнуло, и послышался отчаянный женский крик:

– Помогите!.. Спасите!.. Горю!..

Чтобы сократить путь, мужчина бежал по краю асфальтированной площадки, и подошвы его ботинок прилипали к плавившемуся гудрону.

В сравнении с плавящим мозги жаром воздух финской сауны мог показаться легкой прохладой.

Закрывая лицо руками, он добежал до диспетчерской и остановился перед стальной дверью. Ему стало понятно, почему женщина звала на помощь.

Чем ближе подбирался огонь, тем сильнее она заходила в крике:

– Спасите, люди добрые! Ой, выпустите меня!..

Дверь, на которой ясно отпечатались несколько вмятин, была заперта – петли были крепко закручены толстой стальной проволокой.

– Закрыли, сволочи!.. Володю убили... И меня тоже хотели... Спасите!

Неизвестные преступники, заперев диспетчера, подперли дверь снаружи ломом, снятым с пожарного щита. Если бы не случайно оказавшийся в столь поздний час на дороге автомобилист, спустя несколько минут женщина сгорела бы заживо.

Отшвырнув лом в сторону, мужчина раскрутил раскалившуюся проволоку и распахнул дверь.

В объятия ему тут же бросилась растрепанная, залитая слезами женщина, которая уже не кричала, а хрипло выла. Пальцы ее рук были разодраны в кровь.

– Все, все!.. – крикнул спаситель. – Беги туда...

Он махнул рукой в сторону от бензоколонки. Подтолкнув женщину в спину, водитель «Жигулей» бросился к залитому кровью телу в камуфляже. Схватив его за ноги, мужчина потащил труп подальше от огня.

– Ой, Боже, Боже... – сидя на траве, причитала спасшаяся женщина. – Что же это творится? Что же будет? У него ж двое детей осталось...

– Охранник, что ли? – спросил водитель «Жигулей», опускаясь на колени рядом с окровавленным трупом.

– Ой, что будет?..

– Да кончай ты выть! Охранник, спрашиваю?

Женщина внезапно осеклась, потом недоуменно захлопала глазами и наконец кивнула.

– Ага. Володя. Второй раз дежурил.

Грудь молодого парня в камуфляжной униформе была разворочена несколькими выстрелами в упор.

– Да, ему уже ничем не поможешь.

Вздыхнув, водитель «Жигулей» встал с колен, отошел в сторону и, присев на траву, закурил.

– Кто же это его?

Несколько раз всхлипнув, женщина снова разрыдалась и сквозь слезы проговорила:

– Бандиты...

...– А я ему говорю – на хрена ты эти говнодавы берешь, у нас же лодка с собой. Нет, говорит, люблю с берега ловить. Я ему – ты бы еще полный химкомплект прихватил. И что ты думал? Он вытаскивает из рюкзака и тычет мне в нос полный химкомплект.

– Володя, а что это – полный химкомплект?

– Это, Марья Александровна, костюм такой резиновый, вернее, прорезиненный. В общем, неважно... В армии его применяют на учениях, когда условный противник использует химическое оружие.

– Батюшки, – перекрестилась диспетчерша, немолодая женщина, сидевшая на стуле у зарешеченного окошка, через которое к ней обычно обращались клиенты.

Сейчас с той стороны, облокотившись на небольшой прилавочек, стоял Володя Муртазин, молодой высокий парень, охранник этой недавно открывшейся автозаправки.

Маленький будильничек на железном сейфе в противоположном углу тесного помещения показывал пять минут второго.

Ночь была тихой, безветренной. Последний клиент заправился полчаса назад.

Марья Александровна пила чай с сушками, а Володя развлекал ее и себя рассказом о недавней рыбалке.

– Химкомплект – вещь, конечно, удобная. Сапоги с комбинезоном, плащ-палатка. Под них можно теплую одежду, носки, тещей вязанные, надеть. Но это для зимней рыбалки. А сейчас-то, летом, зачем?

– Может, ему холодно было, – отозвалась диспетчерша.

– Это в июне-то? – насмешливо переспросил Муртазин. – И потом, у нас же с собой было...

Характерным жестом правой руки он проиллюстрировал свои слова.

– И куда только жены смотрят? – покачала головой Марья Александровна. – Моему уже на пенсию скоро, а я его из дома никуда.

– Так рыбалка же, святое дело. Не все ж мне детям задницы подтирать!

– Ага, – в тон охраннику отозвалась диспетчерша. – Как двоих настругать, так он тут как тут... А как попку подтереть, так давай ты, милая, мне некогда, на рыбалку спешу.

– Это неправда ваша, – ничуть не обидевшись, сказал охранник. – Я по дому, ежели надо, все делаю. Но у каждого мужика должно быть, как бы это получше выразиться, хобби. Одни в баню ходят, другие в гараже с машиной возятся, а мы вот с друзьями на рыбалку.

– Машина – дело полезное, – рассудительно сказала диспетчерша, надкусывая сушку и запивая ее горячим чаем из зеленой фарфоровой чашки. – К родственникам в деревню съездить или в Москву, за покупками... Ты вот, Володя, машину хочешь себе купить?

– Хочу, – кивнул Муртазин. – Только по нынешним временам да при моем семействе разве ж на нее накопишь?

– Да, – вздохнула женщина. – Времена нынче тяжелые. Мой старик вон сколько на своем заводике отпахал. Раньше при его стаже была бы пенсия ого-го. А сейчас? Завод стоит, зарплата – слезы. Скоро на пенсию выпихнут – и живи как знаешь.

– Ну, вам-то грех жаловаться, Марь Александровна, – хитро прищурился охранник. – Всю жизнь на заправках...

– Так ведь это раньше хорошо было. Бензин государственный, талончик туда, талончик сюда. Тут подсустришь, там подсуетишься... Вот оно и капало. Чего греха таить, были деньги. Так это ж когда... Сейчас все эта проклятая... как ее... фляция съела.

– Инфляция.

– Во-во. У меня три года тому на книжке пятнадцать тысяч было.

– Ого! По тем временам...

– И где они сейчас, эти пятнадцать тысяч? Все коту под хвост.

– Но здесь-то можно кое-что иметь?.. – полувопросительно-полуутвердительно сказал Володя.

– Как же... – разочарованно протянула Марья Александровна. – Ты вот только второй раз дежуришь, всего еще не знаешь. Хозяин наш, Володин Григорий Валентинович, чуть ли не через день сюда наезжает, проверяет, чтоб недолива не было. Приход, расход... Все смотрит.

– Хозяин, одним словом...

Со стороны дороги донесся шум подъезжающего к заправке автомобиля.

Малоприметный зеленый «москвичок» с явно прохудившейся выхлопной трубой, тарахтя двигателем, развернулся на площадке и подкатил к диспетчерской. Из машины вышел невысокий мужичонка неопределенного возраста в потертых штанах и легких сандалиях на босу ногу.

– Кажись, к тебе клиент, Александровна, – отступая от окошка, сказал Муртазин.

Мужичонка, сунув руки в карманы брюк, подошел к диспетчерской и, покосившись на охранника, наклонился к окошечку.

– Эй, мать, семьдесят шестой есть? – сипло спросил он.

– А как же, – откликнулась Марья Александровна. – Семьдесят шестого у нас хоть залейся...

– Почем литр?

Диспетчер назвала цену.

– Ого... – присвистнул мужичок. – Чё так дорого?

– Отчего ж дорого?.. Столько же, сколько и на государственной.

– А у вас что, частная?

– Частная. Работаем круглосуточно, бензин любой в наличии. А ты вот сунься на государственную, там либо очередь, либо закрыто. А то и бензина вовсе нет.

Мужичонка уныло почесал затылок.

– И много у вас тут народу заправляется за день?

– Хватает. Не жалуемся, – ответила диспетчер. – Ну так что, заправляться будем?

Клиент, демонстративно отвернувшись от охранника, наблюдавшего за ним с легкой снисходительностью, вытащил из кармана несколько мятых бумажек, пересчитал их и сунул в окошко.

– Десять литров.

– На десять не хватит, – расправив мятые купюры, заметила Марья Александровна.

– Тогда на сколько хватит...

– На восемь.

– А где заправляться?

– Вторая! Над ней написано: А-76. Не видишь, что ли?

Смерив мрачным взглядом кобуру на поясе охранника, владелец «Москвича» пошел к машине.

Спустя несколько минут зеленый «Москвич», взревев двигателем, покинул автозаправку.

Охранник опять придвинулся к окошку.

– Нищета, – фыркнула диспетчерша. – Дорого ему... Ну и езжай на своей задрипанной колымаге. Ищи, где подешевле. Может, найдешь... Видал?

– На всех не угодишь.

– Машин сто за день заправилося, никто не говорил, что дорого. Сейф вон от выручки пухнет. Скорей бы утро. Забрали б от греха подальше.

– Не бойсь, Марья Александровна. – Охранник похлопал ладонью по кобуре. – Нас тут трое. Мы с тобой да наш друг «макаров».

В подтверждение своих слов он вытащил тускло сверкающий вороненой сталью пистолет и повертел им перед окошком.

– Ой, убери, – всплеснула руками диспетчер. – Боюсь я их. Неровен час, стрельнет.

– Он же не заряжен, – засмеялся Володя, – и на предохранителе стоит.

– Не понимаю я этого, убери лучше. Хотя... Оно, наверно, и хорошо, что у тебя эта штука есть. У прежнего-то охранника только дубинка резиновая имелась.

– Мы лицензию недавно получили. Формальности вроде не все еще кончились, но начальство приказало на службу с оружием выходить. В общем, табельный мой при мне, и бояться особенно нечего.

– Бояться-то, может, и нечего, но опасаться всегда надо, – понизила зачем-то голос Марья Александровна. – Слыхал, на прошлой неделе в соседнем районе заправку подожгли?

– Да это хулиганье какое-то или недоумки. Швырнули окурок непогашенный...

Их разговор прервало появление еще одной машины. Темная «девятка» с антенной на задней части кузова выскочила из-за поворота и, скрипнув тормозами, резко свернула к бензозаправке.

– Поди-шь ты, – удивилась Марья Александровна. – То не было никого, а то вдруг две подряд.

Машина остановилась в нескольких метрах от диспетчерской. Номера «девятки» были залеплены грязью, и охранник профессионально положил руку на ремень поближе к кобуре.

Что-то в этой машине сразу ему не понравилось: то ли грязь на номерах, то ли антенна, то ли тонированные стекла, в которых отражался лишь свет фонаря, установленного на крыше диспетчерской.

Неожиданно ближайшие к нему дверцы распахнулись, и из машины выскочили двое широкоплечих мужчин в таком же, как у охранника, камуфляже и высоких шнурованных ботинках-«берцах». Их лица скрывали вязанные шапочки с прорезями для глаз. Один был вооружен пистолетом «ТТ», в руках у другого охранник заметил короткоствольный автомат.

Судя по всему, бензин этих клиентов не интересовал.

Надо отдать должное охраннику: он успел выхватить пистолет и передернуть левой рукой затвор. Но времени на то, чтобы дослать патрон в патронник, преступники ему не оставили. Автоматная очередь взрезала ночную тишину, как кухонный нож с хрустом взрезает корку засохшего каравая.

С первыми звуками выстрелов диспетчерша рухнула на пол и на коленках подползла к двери. Рванув широкий стальной засов, она заперла ее изнутри.

Снаружи донеслись еще одна автоматная очередь и несколько сухих пистолетных выстрелов.

Нескольких мгновений, затраченных нападавшими на охранника, хватило ей для того, чтобы вскочить с пола и захлопнуть маленькую железную дверцу окошка.

Один из преступников, вооруженный пистолетом, склонился над телом охранника и вырвал из его конвульсивно сжавшейся ладони пистолет.

– Готов, – негромко бросил он сообщнику.

Оба быстрым шагом подошли к диспетчерской. Автоматчик с размаху взрезал ногой по стальной двери, но она не поддавалась.

– Вот бя, закрыться успела...

Ни секунды не раздумывая, он выпустил в дверь длинную автоматную очередь.

– Стой! – заорал второй. – Ты что? Меня чуть рикошетом не свалило!

Подельник опустил автомат.

– Не берет, – зло сказал он.

Преступник, вооруженный пистолетом, метнулся к окошку и с размаху взрезал рукояткой «ТТ» по маленькой железной ставне:

– Открывай, сука!

Диспетчерша забилась под стол и закрыла голову руками. Ее побелевшие губы что-то беззвучно шептали.

– Открывай, а то живьем зажарим!

Из здания диспетчерской не доносилось ни единого звука.

– Вот бя, я ж говорил – надо пару гранат прихватить.

– Да хер с ней, с этой бабой. И так подохнет. Наше дело – спалить тут все к едрене фене.

– Могли бы и бабки прихватить.

– Да сколько там тех бабок?

– Неважно. Отвали-ка, дай еще разок садану.

Бандиты отступили на несколько шагов. Автоматчик выпустил остаток рожка по окну, но, ничего не добившись, снова выругался:

– Ешь твою вошь!.. Забаррикадировалась.

– Ладно, пора уходить.

Они быстро направились к машине, ожидавшей их с включенным мотором.

Автоматчик на ходу менял магазин, второй склонился над трупом охранника и обшарил карманы. Обнаружив служебное удостоверение, прихватил его с собой. Затем в его карман переключевала и запасная обойма от «макарова», обнаруженная в поясной кобуре.

– Эй! – крикнул ему автоматчик. – А баба?

– Твою мать!.. Чуть не забыл...

Бандит подбежал к противопожарному щиту, сорвал с него лом и подобрал валявшийся рядом кусок проволоки.

Спустя несколько мгновений он вернулся к машине.

– Порядок.

«Девятка», визжа колесами, выехала на дорогу, притормозила. Из открытого заднего окна высунулся ствол автомата. Прозвучала длинная очередь.

Одна из цистерн, заполненных бензином, взорвалась сразу же. Огромный столб пламени полыхнул кверху, осветив площадку, где лежал залитый кровью труп охранника.

Набирая скорость, машина помчалась по направлению к городу.

Глава 2

– Работай, Игнат, работай. Через пять минут спарринг.

Константин присел на скамейку в углу спортивного зала и, вытерев пот со лба рукавом кимоно, прислонился спиной к стене.

«Черт, старею, – подумал он. – Скоро младший меня вместо макивары использовать будет».

Посмотрев на брата, который, упрямо закусив губу, отрабатывал «маваши гири» с правой ноги, Константин едва заметно улыбнулся.

«Молодец пацан. Есть в нем наше, панфиловское упрямство. Другой бы после таких травм близко к спортзалу не подошел. Валялся бы на диванчике, книжечки почитывал...»

– Пятку от пола не отрывай!

Игнат закончил упражнение, повернулся к брату.

– Что?

– Не сбивайся на носок. Когда поднимаешься на носке, получается не удар, а танцевальная фигура.

– Да я знаю, – отмахнулся Игнат.

– Знаю, что знаешь. Только через раз неправильно делаешь. Держись на всей стопе. Это же опорная нога. Противнику ничего не стоит подловить тебя и сбить легким ударом по голени. Продолжай.

Константин, хоть и пытался играть роль строгого сенсея, был снисходителен к брату и старался не перегружать его. Лишь несколько месяцев назад Игнат Панфилов закончил курс восстановительной терапии в медицинском центре Валентина Дикуля. Этот бывший цирковой артист, силовой жонглер, вынужден был расстаться с ареной после тяжелой травмы позвоночника. Вылечившись по собственной методике, Дикуль открыл свой медицинский центр, где лечил больных с травмами опорно-двигательного аппарата.

На Игната Панфилова ему пришлось истратить целый год. Но это время не прошло даром. Игнат смог не только твердо встать на ноги, но и вернуться к абсолютно полноценной жизни. Возобновив свои занятия карате-до, Константин решил, что Игнату тренировки тоже не повредят. В начале весны они вместе стали посещать спортзал в физкультурно-оздоровительном комплексе «Лидер».

ФОК представлял собой основательно перестроенное здание бывшей городской бани, расположенной на окраине Запрудного. Нынешним фактическим хозяином физкультурно-оздоровительного центра был не кто иной, как сам Константин Панфилов – генеральный директор фирмы «Лидер».

Городское руководство, начавшее несколько лет назад капитальный ремонт бани, по уши увязло в долгах и с огромным облегчением сдало полуразрушенный объект в аренду фирме «Лидер».

Панфилов сразу же нашел деньги, стройматериалы, субподрядчиков и за полгода превратил полуразвалившееся строение в современный комплекс со спортивными и тренажерными залами, комнатами отдыха, раздевалками, кафе и бассейном.

Константин предпочитал не распространяться, каких средств и усилий ему это стоило. Главное, результат был налицо. Городское начальство по достоинству оценило новое оздоровительное учреждение и зарезервировало в ФОКе постоянное время для сауны.

Дважды в неделю по вечерам Константин вместе с братом тренировался в пустом спортивном зале. Первые занятия проходили по облегченной программе, но постепенно Константин, избравший для себя роль сенсея и ученика в одном лице, повышал нагрузки. Игнат не только прекрасно справлялся с тренировочными заданиями, но также делал и заметные успехи.

Молодой организм быстро восстанавливался после длительного периода вынужденной неподвижности.

Константин хлопнул в ладоши.

– Все. Спарринг.

Игнат, закончив упражнения у макивары, вышел на середину зала.

– Может, боксерские перчатки наденем? – предложил Константин.

– Не стоит, – засмеялся Игнат.

– Как знаешь. Но имей в виду: я в полную силу работать не буду.

– Не дрейфь, старшой. Со мной все в порядке.

– Это ты так думаешь...

– Неважно, что я думаю, но работать буду в полную силу.

– Ладно, поехали.

Лучше всего у Игната получались уклоны и увертки. Стоило Константину ринуться в атаку, как младший брат легко уходил от лобового столкновения и тут же наносил быстрые жалящие удары. Пару раз он чувствительно врезал Константину ногой по ребрам.

Наконец Панфилов-старший понял, что работать с таким соперником вполсилы не получится. Стараясь не наносить удары в область пресса и грудной клетки, Константин поймал однажды Игната на противохвате и нанес «ура-маваши» в плечо.

Игнат упал на одно колено, но тут же вскочил и, обозленный, ринулся в атаку.

– Стоп. – Константин тут же прервал спарринг.

Игнат, тяжело дыша и сверкая глазами, тут же опустил кулаки.

– Что еще?

– Усвой раз и навсегда: ни при каких обстоятельствах не теряй самообладания. Нельзя злиться. Понимаешь? Никаких эмоций, это не игра, это поединок. Разозлился – утратил контроль над собой. Бросился вперед сломя голову – все. Мне ничего не стоило встретить тебя останавливающим «мае-гири» в пах. А добивание уже дело техники. Ты отдал себя во власть эмоций.

– Если я не буду испытывать к своему противнику никаких эмоций, я не смогу драться.

– А иногда полезно не драться, избежать столкновения. Сопернику выгодно тебя провоцировать, не поддавайся. В конце концов, ты же не баба. В основе всего должен быть холодный расчет – и только.

Игнат прикусил губу.

– Ты уже говорил об этом.

– Я буду повторять столько, сколько надо. Эмоции противопоказаны бойцу.

– Умом-то я это понимаю, но удержаться не могу.

– Значит, ум еще недостаточно владеет твоим телом. Обида, злость, гнев, ярость – плохие союзники в схватке. Ладно, поработаем еще немного, и, пожалуй, на сегодня хватит.

По пути в раздевалку Панфилова-старшего кто-то окликнул:

– Константин Петрович!

По коридору быстрым шагом шел заместитель Панфилова, он же начальник службы безопасности фирмы «Лидер» Семенов.

Отставной командир разведбата был невысоким сорокалетним крепышом, всегда серьезным и сосредоточенным. Константин пригласил его на работу год назад, когда кооператив «Радуга» преобразовался в производственно-коммерческую фирму «Лидер».

Смена статуса повлекла за собой и иной подход к организации всего бизнеса. Панфилов оставил за собой лишь основные организационные функции, подобрав на каждое конкретное направление квалифицированных специалистов. Главным бухгалтером остался дотошный и щепетильный Владимир Сергеевич Шевченко. Службу безопасности Константин предложил

возглавить бывшему разведчику Семенкову, прошедшему Афганистан и несколько горячих точек на территории бывшего Союза и за его пределами.

Они познакомились в Москве, куда Панфилов-старший ездил по делам фонда ветеранов афганской войны «Саланг». После гибели сослуживца Василия Трубачева Константин возглавил фонд «Саланг» на общественных началах.

Семенков, прозябавший в Москве на заштатной майорской должности, после некоторых раздумий принял предложение Панфилова. За прошедшее время ему удалось сколотить небольшое, но очень эффективное подразделение, которое успешно выполняло возложенные на него функции.

– Чем обрадуешь, Владимир Иванович? – спросил Константин, заходя в раздевалку и сбрасывая мокрое от пота кимоно.

– К сожалению, пока ничего утешительного.

– И все-таки.

– Сгорело около двадцати тонн бензина. Единственная свидетельница, если ее вообще можно назвать этим словом, диспетчер автозаправки Шестакова Мария Александровна пребывает в состоянии некоторой прострации, но мои люди все-таки смогли поговорить с ней.

– Рассказала что-нибудь?

– Примерно в час двадцать, час двадцать пять – точнее она вспомнить не могла – к заправке подъехала темная «девятка». Цвет машины то ли не разглядела, то ли не запомнила.

– Номера, конечно, тоже?

– Ей показалось, что номеров на машине не было вообще. Хотя... Тут возможны варианты.

– Какие?

– Либо номеров действительно не было, либо они были замазаны. Сколько человек находилось в машине, она тоже не знает – стекла были затемнены.

– Тонированные?

– Так точно. Из машины выскочили двое в камуфляже и масках. Один был вооружен автоматом, он сразу же открыл огонь. Что было дальше, она не знает, потому что бросилась на пол, поползла до двери, чтобы закрыть ее на засов. Потом она еще успела захлопнуть окошко. Говорит, что очень сильно испугалась.

– Испуг испугом, но сделала она все правильно.

– В сейфе была выручка – около миллиона рублей.

– Почему же выручку оставили на ночь?

– Я бы тоже хотел это знать, Константин Петрович, но Володин уехал позавчера. Мы не смогли пока связаться с ним.

Панфилов мрачно покачал головой.

– Партнер... Извини, Владимир Иванович. Что там дальше?

– Я говорил со следователем, который ведет это дело. Капитан Турченко.

– Слышал про такого.

– Я еще по своим каналам проверил... Вы понимаете, о ком я говорю...

Константин кивнул.

– Охранник Муртазин если и успел вытащить табельное оружие, то не произвел ни одного выстрела. Во всяком случае, гильз от «макарова» на месте происшествия не нашли. Пистолет и запасная обойма исчезли. Один из нападавших был вооружен пистолетом «ТТ». Скорее всего китайского производства, потому что гильзы от патронов – китайские. У другого нападавшего был укороченный автомат Калашникова, «АКСУ-74». На теле охранника десять огнестрельных ранений. Практически все – в область грудной клетки. Кучность очень высокая, из чего делаю вывод, что стрелял профессионал. В диспетчерскую нападавшие проникнуть не смогли,

выпустили пару очередей из автомата по стальной двери и несколько раз выстрелили из пистолета по окошку. Этим ничего не добились и, заблокировав дверь снаружи, убрались восвояси.

– Как заблокировали?

– Кусок стальной проволоки – на петли, дверь подперли ломом с противопожарного щита. Шестакова слышала, как сначала отъехала от бензоколонки машина, а потом раздалась длинная автоматная очередь. Вслед за этим сразу же взорвалась цистерна с девяносто пятым бензином.

– Как выглядели нападавшие? Ах да, в камуфляже и масках.

– Вроде бы высокие, крепкие. Это все. Шестакову освободил водитель проезжавшей мимо машины.

– Кто такой?

– Уроженец Орловской области. У меня есть все его данные. Случайный человек.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Игнат, внимательно слушавший разговор, спросил:

– Этот охранник... Муртазин... Он ведь недавно только начал работать?

– Это было его второе дежурство.

– Он из «Саланга», – добавил Константин. – Я сам направил его в охранное агентство «Ягуар».

– Между прочим, у «Ягуара» до сих пор не оформлены лицензии на огнестрельное оружие, – заметил Семенков.

– Разберитесь с этим, Владимир Иванович, – попросил Панфилов-старший. – Через «Ягуар» прямой выход на меня, мне же лишние неприятности ни к чему.

– Есть, – по-военному ответил Семенков.

– Кажется, у Муртазина остались двое детей? Надо позаботиться насчет похорон и семьи. Я сам поговорю с главбухом... Есть какие-нибудь предварительные выводы?

– Только рабочие версии. Пока слишком мало информации.

– Хотя бы рабочие...

– Залетные бандиты – версия первая. Позарились на выручку автозаправочной станции. Версия хилая по двум позициям. На АЗС деньги на ночь не оставляют, вечером все забирают инкассаторы. Конечно, возможна утечка информации из офиса... Непонятно также, зачем залетным бандитам наряжаться в камуфляж и маски. Есть еще несколько пунктов, вызывающих сомнения. Ради какого-то миллиона... на мокрое дело?

– В наше время могут пришить и за сто тысяч, и за пятьдесят, – обронил Игнат.

– Меня это не убеждает, – спокойно парировал Семенков. – Конечно, версию будем отрабатывать, но я сомневаюсь. Гораздо больше это похоже на конкурентов.

– А вот теперь сомневаюсь я, – веско сказал Панфилов-старший. – Кто опекает Володина?

– Как кто? Мы.

– Правильно. Прежде чем запускаться с бензином, мы все решили?

– Все.

– У Изи Копельмана «крыша» синяя. С Сашкой Порожняком я лично стрелку забивал и сам с ним разговаривал. Он, конечно, не вор в законе и не положенец, но за свои слова отвечать приучен. С азерами мы второй год в мире, а им Трошин отстегивает. Кто с Айвазом решал вопросы?

– Я, – сказал Семенков.

– С тех пор проблемы были?

– Не было.

– Больше горючим у нас никто не занимается. Только трошинский «Триал» и копельмановский «Контур». От них никаких предъяв нам не было.

– Не уверен, – пожал плечами Семенков.

– То есть?

– Володину могли что-нибудь предъявить.

– погоди, Владимир Иванович... Ты что, думаешь, он не сказал бы нам об этом? Я знаю Гришку как облупленного, стоит только камушку в ботинок попасть, он сразу же начинает мне названивать.

Семенков немного помолчал.

– Константин Петрович, ты когда с ним общался в последний раз?

– Не помню. Неделю назад. Ты думаешь?..

– Володин молчал целую неделю, и ты, Константин Петрович, не придал этому значения?!

– Он же в Германию летал.

– А что, в Германии связь не функционирует?

– Человек поехал по собственным делам.

– Какие собственные дела могут быть у человека, половина бизнеса которого принадлежит нам? Деньги-то кто вкладывал? Вот именно, ООО «Лидер».

– Вот зараза, – ругнулся Панфилов и добавил в сердцах еще несколько крепких выражений. – Разборок мне только не хватало. С Татьяной вот тоже...

– Конечно, не мое это дело, Константин Петрович, но когда касается работы, я не могу смолчать. Что-то вам с Татьяной надо решать. Иначе не только бизнес прахом пойдет.

– Я предлагал ей выходить за меня, – сумрачно сказал Константин. – Она ответила, что ей по горло хватило первого замужества.

– Может, ей работу сменить? – скромно предложил Игнат.

– Она уже два месяца не работает.

– Почему? – спросил Семенков.

– Не знаю. Мне она ничего не говорит.

– Костя, ты бы хоть в Запрудный ее перевез, – вмешался в разговор Игнат. – Может, легче было бы?

– Не хочет она из Москвы уезжать, нравится ей там. Ладно, сам как-нибудь разберусь.

– Разбирайся, – усмехнулся Игнат. – Только не пропадай неделями в столице.

– Когда это я пропадал там неделями?

– Не обижайся. Я так, к слову.

– К слову... – буркнул Константин. – А кто за компьютером днями сидит?

– Мне нравится, – весело сказал Игнат.

В нагрудном кармане Семенкова зазвонил сотовый телефон.

– Да, слушаю. Понял. Скоро буду. – Он спрятал трубку. – Извини, Константин Петрович. Надо ехать.

– Что-то новое по нашим делам?

– Похоже, да.

– Держи меня в курсе.

Когда Семенков ушел, Игнат поинтересовался:

– Зачем тебе это надо?

– Что именно?

– Расследование. Пусть менты занимаются, им за это деньги платят.

– Тебя, брат, учить и учить. Менты – ищейки, которые идут по следу, понимаешь, по следу. Кто-то уже наследил, и у них появилась работа. А я должен знать о том, что будет завтра. Я должен знать о том, что еще не произошло. Теперь понял? Это слишком важное дело, чтобы я мог доверить его ментам.

– Я не знал, что ты дал Володину денег.

- Ты о многом еще не знаешь.
- Очень жаль. Мог бы рассказать родному брату.
- Придет время – обо всем узнаешь. Пока молод, копи силы – пригодятся.

Исаак Лазаревич Копельман, глава фирмы «Контур», сидел за столом в своем рабочем кабинете, бессмысленно водя ручкой по листу бумаги. Потом, отложив ручку в сторону, он вытащил из пачки сигарету «Мальборо», щелкнул золотым «Ронсоном» и, рассеянно глядя в потолок, стал пускать кольца табачного дыма.

Из состояния задумчивости его вывела трель телефонного звонка. Сняв трубку «Панасоника», Исаак Лазаревич услышал голос жены.

– Изя! – возбужденно спросила она. – Ну сколько можно пропадать на этой проклятой службе?

– Миррочка, – раздраженно ответил он. – Сколько раз тебе можно повторять – это не служба! Я перестал служить два года назад, когда уволился из треста столовых и ресторанов.

– Ой, не морочь мне голову, Изя. Служба есть служба. Когда ты приедешь домой? Соня уже два дня не видела отца, а я мужа.

– Я ни капли не изменился за последние два дня, Миррочка.

– Это не смешно! – визгливо воскликнула она. – Не нужны те деньги и та роскошь, если мне надо жертвовать семьей.

– Это не ты жертвуешь семьей, а я. И прошу тебя, Миррочка, золотко, не звони мне больше сегодня. Я очень занят, у меня производственное совещание. Ты дергаешь меня уже пятый раз за вечер.

– Не пятый, а четвертый.

– Буду дома, когда освобожусь. Целую.

Копельман положил трубку и, раздраженно пробормотав что-то вполголоса, откинулся на спинку кресла.

Выкурив сигарету, он вновь занялся рисунком, на сей раз не таким бессмысленным, как прежний. Он чертил какие-то квадратики, соединял их между собой сложной системой стрелок, отдельные квадратики обводил кружками, другие перечеркивал.

Спустя несколько минут в дверь постучали.

– Да! – крикнул Копельман.

Вошла секретарша, молодая длинноногая блондинка в сером деловом костюме.

– Исаак Лазаревич, к вам посетитель.

Пропустив гостя, который не стал дожидаться приглашения войти, секретарша спросила:

– Может, вы наконец отпустите меня, Исаак Лазаревич?

– Иди. – Он недовольно махнул рукой и тут же заулыбался посетителю. – Александр Захарович, милости просим. Жаждали вас.

– Занят был, – небрежно бросил тот и по-хозяйски уселся в кресло напротив Копельмана.

На вид гостю было около сорока. Худощавый, с жидкими коротко стриженными волосами, одетый в обычные джинсы и рубашку, он выглядел полной противоположностью упитанному, лоснящемуся Копельману в дорогом сером костюме-тройке, с аккуратно уложенными чуть седоватыми волосами.

Синими от татуировок пальцами гость достал из наружного кармана рубашки пачку «Кэмела» без фильтра и многозначительно взглянул на Копельмана.

Исаак Лазаревич тут же вскочил из-за стола и, обежав вокруг, предупредительно щелкнул зажигалкой.

Гость пыхнул дымком, взял зажигалку из рук Копельмана, внимательно осмотрел со всех сторон.

– Ну ни хрена себе... – искренне подивился он. – Сплошная голда, в натуре...

Копельман осторожно забрал дорогую безделушку.

– Подарок супруги к пятидесятилетию, – застенчиво признался он.

– А, подарок?.. – хмыкнул гость. – Ладно, это дело святое. Ну, так в чем вопрос? Серьезное что-нибудь или опять порожняк?

«Порожняк» было любимым словом Александра Захаровича Григорьева, которого хорошо знали в определенных кругах города Запрудного именно под таким прозвищем. В свое время Порожняк совершил две ходки на зону и оба раза по чисто воровской статье, сто сорок четвертой. Никакими особо выдающимися воровскими или иными способностями Порожняк не отличался. Но однажды судьба забросила его в зону, где отбывал наказание Шурик Захар, он же Александр Захаров, ставший позднее известным законником. Именно он окрестил Григорьева Сашей Порожняком и дал ему путевку в жизнь.

Год назад, после второй «командировки», Порожняк вернулся в Запрудный. По рекомендации Шурика Захара занял место одного из запрудненских авторитетов, который по естественным причинам отбыл в мир иной. Предшественник Саши Порожняка умер от цирроза печени.

Порожняк делал «крышу» немалому числу предпринимателей новой волны. В этот круг входил и глава фирмы «Контур» Исаак Копельман.

На зоне Григорьев потерял пару зубов и по этой причине заметно шепелявил. Временами выговор его казался даже весьма комичным.

Но Исаак Копельман был не из тех, кто обращает внимание на подобные мелочи. Он обращался к Порожняку исключительно по имени-отчеству, при встречах вел себя предельно вежливо, если не сказать подобострастно. От Порожняка во многом зависело благополучие Копельмана и возглавляемой им фирмы.

– Александр Захарович, вы, наверное, уже знаете, что случилось ночью за городом, на заправке Володина?

– Ну?..

– Я надеюсь, что мы никоим образом не причастны к этому?

– Об чем базар?

– Будем называть вещи своими именами. У Володина очень серьезная «крыша». Панфилов Константин Петрович, я его, конечно, очень уважаю, он известный в городе человек...

– Я в курсах.

– Что он может подумать?..

– А че? Мы ни сном ни духом...

– Это правда, Александр Захарович?

– Бля буду... Я че, больной – с Жиганом связываться? Он, конечно, не вор, но и не фраер.

Копельман с видимым облегчением закурил, правда, спустя мгновение на его лице появилась озабоченность.

– А может, это дело рук «Триала»?

– Вот тут я не в курсах – порожняк гнать не буду. Над ним Айваз со своими азиками стоит. Что у них на уме – один Бог знает, или как там его у них... Аллах?

– Значит, они все-таки могли это сделать? – каким-то обреченным голосом произнес Исаак Лазаревич. – Ай-ай-ай, как нехорошо... А ведь мы с Юрием Михайловичем, директором «Триала», договаривались...

– Может, это не он вовсе. – Порожняк сипло кашлянул. – Ты-то почему знаешь?

– Я ничего не утверждаю, – заторопился Копельман. – Я только предположил. Вдруг Трошин разнервничался? И я таки ж могу это понять. При его темпераменте... Город у нас небольшой, даже на двоих распиливать трудновато, а тут еще третий. Кусок, можно сказать, прямо изо рта уводят.

– Ладно, не крути пластинку, – вяло махнув рукой, оборвал его Порожняк.

– Это я к тому, Александр Захарович, что надо как-то прояснить ситуацию. Вы должны что-то предпринять со своей стороны. А то – что же это получается? Вчера – Володина, сегодня – Трошина. А завтра нас?..

– Тебя, а не нас, – ухмыльнулся Порожняк.

– Если меня, то и вас, прошу прощения, – мягко поправил Исаак Лазаревич. – Я для вас курица, несущая золотые яйца. Если меня зарезать, то и вам ничего не останется.

– Ты у нас не один.

Копельман мелко-мелко заморгал ресницами.

– Как ни обидно это слышать, но я вынужден уточнить, – оскорбленным тоном сказал он. – Со всех остальных вы не получите и половины того, что я плачу вам, если завтра мой бизнес, как это иногда говорят, накроется. А это может произойти, если не задуматься и не подстраховаться вовремя. Панфилов очень меня беспокоит. Он может такое натворить...

– Ладно, кончай бздеть – дышать тяжело.

– Опять вы со своими лагерными шутками, – поморщился Копельман. – Я с вами совершенно серьезно... Мы должны обезопасить тылы. Между прочим, со спиртным он нам так и не дал развернуться. Все под себя гребет. Это же золотое дно. Мы просто крохи с барского стола подбираем, а он уже завод поставил.

– Кончил? Тогда я скажу. Все, что надо, будет сделано, можешь не ссать. Так что сиди пока, не дергайся. А насчет Жигана... Я его не трогаю, и он меня не трогает. Будут вопросы, забьем стрелку, перетрем. Без понтов, без наездов. Ты, главное, про последний день месяца не забывай. – Порожняк хлопнул рукой по столу, поднялся. – Ну, лады, засиделся я тут с тобой. Будь здоров, не кашляй.

Саша Порожняк встал, повел плечами и неторопливо, вразвалочку направился к двери. На сей раз Копельман не вскакивал, не суетился и проводил дорогого гостя лишь меланхолическим туманным взглядом.

Спустя минуту после того, как дверь за гостем закрылась, Исаак Лазаревич придвинул к себе изрисованный квадратиками лист бумаги и жирно перечеркнул его наискосок.

Придвинув пепельницу, он смял бумажку и поджег ее золотым «Ронсоном». Устремив вверх взгляд карих, чуть навывкате глаз, тяжело вздохнул и потянулся к телефонной трубке.

– Алло, Сонечка? Это я, папа. Я скоро буду. Как это мамы нет? А где же она? Что? Так позвони дяде Фиме, предупреди ее. Нет. Почему я должен звонить? Алло, Соня...

В сердцах бросив трубку на рычаг недешевого телефонного аппарата, Исаак Лазаревич возбужденно вскочил из-за стола и забежал по комнате.

– Нет, ну почему я должен звонить? Почему я все всегда должен делать сам? За что я плачу этому безмозглому хаму, этому плебею, который... который... Такие деньги... Он их складывает, он копит в кубышке... Я не понимаю, кто кого должен защищать? Нет, мне это все решительно надоело. Вы только подумайте, про последнее число месяца он помнит, но он не думает, что скоро Изе Копельману придется есть селедку, жаренную на машинном масле!..

Глава 3

Главные воздушные ворота Республики Польша – аэропорт Варшавы «Первый терминал» – гудели, как котел с кипящей похлебкой. Начинался туристский сезон, и сотни поляков, уже ощутивших на себе первые радости капитализма, с семьями и чемоданами двинулись в сторону испанских, греческих, мальтийских, кипрских и турецких пляжей. Это были уже не те мешочники, которые три-четыре года назад заполняли стамбульские барахолки, а затем с горами дешевой косметики, кожаных курток, одежды, обуви двигались в сторону российских, украинских и белорусских базаров. Теперь граждане Речи Посполитой делали свой бизнес на родине, а россияне, украинцы, белорусы и прочие граждане независимых государств, образовавшихся на обломках рассыпавшейся советской империи, занялись рискованными торговыми операциями на турецких рынках.

Темпераментные потомки благородных шляхтичей в предвкушении близкой встречи с теплым морем и песчаными пляжами шатались по зданию аэропорта, заполняли кафе и бары, толклись у окошек касс и справочных бюро, сквозь огромные стеклянные стены разглядывали летное поле.

Прибытие самолета «Ту-154» рейсом из Москвы в этой суете осталось практически незамеченным. Салон авиалайнера был заполнен едва ли на одну треть – те российские граждане, которые делали свой маленький бизнес в Польше, обычно пользовались другими видами транспорта. Они ехали на блошинные рынки и толкучки либо в поездах, либо в автобусах, под завязку набитых полосато-клетчатыми клеенчатыми сумками. Рейсами Аэрофлота теперь летали серьезные люди: дипломаты, крупные бизнесмены, официальные делегации.

Один из пассажиров только что прибывшего самолета явно принадлежал ко второй из упомянутых категорий. Высокий, широкоплечий красавец в прекрасном черном костюме от Армани, ослепительно белой сорочке, в модном галстуке, дорогих кожаных английских туфлях, с элегантно зачесанными волосами, в руке спустился по трапу и легкой пружинящей походкой направился к зданию аэровокзала. На ходу он несколько раз поправил и без того аккуратно причесанные и уложенные каштановые волосы. Его глаза прикрывали темные очки, хотя небо над Варшавой было затянуто облаками.

Оказавшись в здании аэровокзала, красавец быстро оценил обстановку и едва заметно, одними кончиками губ, улыбнулся. Суета была ему на руку.

Впрочем, в этой толпе могла оказаться пара глаз, для которых прибытие пассажира из Москвы представляло куда больший интерес, нежели расписание вылета самолетов в Турцию, Грецию и на Кипр.

На паспортном и таможенном контроле пассажир долго не задерживался. Заполнив декларацию, он подал ее в окошко вместе с документами очаровательной польской пограничнице в форменном костюме.

– Пан Кононов, – прочитала она фамилию в загранпаспорте. – Александр Игоревич. Посуньте окуляры, пшепрашам.

– Что?

– Як то бэндзе по-росийску?... Здымите очки, пожалуйста.

– Ах да, конечно.

Он улыбнулся ослепительной улыбкой эстрадной звезды и снял очки.

Пограничница сверила его внешность с фотографией в паспорте и удовлетворенно кивнула, затем проверила визу.

– Какая... – она наморщила лоб, вспоминая русские слова, – ...цель визиты?

– Деловая.

– Сердечно запрошам до Варшавы.

Девушка вернула документы авиапассажиру, который направился к таможеннику.

Проверив чемоданчик на рентгеновском аппарате и глянув в декларацию, поляк спросил:

– То е вшистко?

– Да.

Покончив с формальностями, пассажир вышел из здания аэровокзала, на ближайшей остановке такси сел в желтый «Мерседес» и назвал водителю адрес в квартале Варшавы, хорошо известном под названием Старе Място. Несколько раз во время движения он оборачивался, внимательно глядя на следующие за ним машины.

В двух-трех кварталах от названного адреса он попросил водителя остановиться, расплатился и вышел из машины. В ближайшем обменном пункте он поменял две стодолларовые бумажки на злотые и заодно поинтересовался, где поблизости можно сделать международный телефонный звонок. Затем проследовал на переговорный пункт, расположенный на первом этаже здания за углом, вошел в кабину, закрыл за собой дверь и, сняв трубку, набрал номер.

– Алло, Наташа? Это Кононов. Как обстановка? Понял. Ты сказала, что я в командировке? Ну и отлично. Когда вернусь? Будет зависеть от обстоятельств. Да. Все должно быть как обычно. Целую.

Не прошло и четверти часа, как он входил в небольшое двухэтажное здание на тихой улице, над резной дубовой дверью которого красовалась вывеска «Линда». В этой небольшой, всего на шестнадцать номеров, гостинице он останавливался не впервые.

Невысокий, полноватый лысеющий портье за стойкой учтиво наклонил голову и приветствовал гостя широкой улыбкой:

– Дзень добжы, пан Кононов.

– Здравствуй, Ежи. Как тут у вас дела?

– Вшистко в пожондку. Дзенькую.

Портье протянул Кононову желтую гостевую карточку и ключ от номера.

– Петнасты.

– Как обычно? Очень хорошо.

Портье удостоился щедрых чаевых, а гость поднялся на второй этаж в номер окнами на улицу, предпоследний по коридору.

В гостинице «Линда» Коконова знали как очень обеспеченного и выгодного клиента. Он часто заказывал в номер обед и девочек. Но, в отличие от других русских клиентов, которых здесь боялись, как чумы, Александр Игоревич вел себя тихо и сдержанно.

Портье, поставлявший ему проститутку, однажды поинтересовался у них насчет клиента. В ответ две длинноногие блондинки из Калининграда лишь переглянулись между собой, а одна проворковала:

– Он очень нежный.

Александр Игоревич Кононов был одним из самых удачливых и молодых бизнесменов новой России. В отличие от коллег типа Германа Стерлигова, владельца биржи «Алиса», которые бесконечно светились на телевизионных экранах, принимали участие в бесконечных тусовках, добиваясь всенародной любви, лицо Александра Коконова было мало известно широкой публике.

Зато его прекрасно знали председатель Центрального банка России, сотрудники Администрации Президента России, министр финансов, президенты российских коммерческих банков, финансовых корпораций, начальники управлений Совета Министров, генералы госбезопасности, крупнейшие промышленники, биржевики, политические светила современной России.

И это несмотря на то, что Александру Игоревичу было всего двадцать пять лет. Он даже не успел получить высшее образование, хотя и учился в одном из престижнейших вузов страны – Московском государственном университете.

Когда первая кооперативная волна прорвала плотину застоявшейся советской экономики, юный студент МГУ с головой бросился в рыночную стихию. Он обогащался темпами столь стремительными, что его имя заслуживало быть записанным в первые строки истории российского грондерства.

Александр Кононов стал одним из пионеров банковского бизнеса, открыв Российский коммерческий биржевой банк. Отгрохав себе огромный особняк в районе Николиной Горы, он завел дружбу с сильными мира сего. К нему домой приезжали министры, первые замы, другие высокопоставленные государственные чиновники, президенты банков, корпораций. Кононов обладал уникальным даром. Буквально с одного взгляда на человека он умел понять, сколько и как ему нужно дать на лапу, где подмазать, а где и отступить. Но отступать ему практически не приходилось. Брали все. Суммы были смешны для долларового миллионера Коконова: пять, десять, двадцать тысяч. А ведь одним росчерком пера эти люди позволяли Александру Игоревичу, недоучившемуся студенту, делать один миллион за другим. Бывший начальник управления некогда всемогущего Комитета государственной безопасности в звании генерал-полковника перешел на работу в Российский коммерческий биржевой банк на копеечную, по понятиям президента банка, зарплату.

За два последних года Александр Кононов несколько раз ездил за рубеж в составе президентской делегации.

Однако нынешняя его поездка в Варшаву носила не совсем обычный характер, напоминая скорее бегство.

Глава 4

В один из знаменитых подмосковных вечеров – тихих, безветренных, ясных – подгулявшая компания молодых людей вывалила из запрудненского ресторана «Жар-птица» с намерением продолжить застолье в домашних условиях. Идти было недалеко – на противоположную сторону улицы, через скверик и пару дворов, мимо спортивной площадки, на которой пацаны обычно гоняли в футбол.

Двоих отправили за поддачей и закуской. Еще трое, шумно веселясь и пересыпая свою речь отборной матерщиной, двинулись через сквер к спортивной площадке.

Прохожие старались держаться подальше от разгоряченных спиртным парней. Даже собачники, выводившие своих лохматых и гладкошерстных подопечных на вечернюю прогулку, сворачивали на боковые аллеи.

Вскоре над притихшими окрестностями раздалось громогласное пение:

Таганка, где ночи, полные огня?
Таганка, зачем сгубила ты меня?
Таганка, я твой бессменный арестант,
Погибли юность и талант
В твоих стенах...

Песня оборвалась, когда один из подгулявших парней остановился, чтобы закурить очередную сигарету.

– Э, Толян, че там дальше? – пошатываясь, спросил его приятель.

– Ну ты, Жиртрест, ваще... «Таганку» не знаешь?

– Знаю, только забыл.

– «Я знаю, милая, – больше не встретимся». Че, вспомнил?

– Не-а.

– «Дороги разные нам суждены»... Бля, Жиртрест, ты зае... ал. Я тебе что, бля, по слову повторять буду? Ну, бля, скажи ему, Грузчик. «Таганку» каждая свинья знает.

Переругиваясь, они вышли из сквера и остановились на краю уже опустевшей спортивной площадки.

– Куда тут дальше? – заплетающимся языком спросил тот, которого друзья называли Жиртрестом. Его внешность соответствовала прозвищу: толстый, с жидкими, жирными волосами, с широкой, словно распухшей, физиономией.

– Пошли напрямки, – предложил Грузчик, крепкий малый с накачанными бицепсами, и в самом деле напоминавший портowego грузчика. – Так короче.

– А через дворы длиннее, – сказал Толян, самый авторитетный из троих, с рябоватым, побитым оспинами лицом и золотой фиксой.

Его средний палец украшал синий татуированный перстень с закрашенным по диагонали солнечным диском. Этот рисунок был хорошо известен тем, кто в несовершеннолетнем возрасте попал за решетку. Так он и назывался: «загубленная молодость».

– Двинем через дворы, может, телок каких снимем.

– Верно сбацал, Толян, – кивнул Грузчик. – Че это мы? Глотки дерем, а про бабцов забыли. Сворачивай.

У первого же подъезда они наткнулись на объект поиска.

Невысокая хрупкая девчонка лет двадцати, в простых джинсах, маечке с короткими рукавами и джинсовой жилетке сидела на скамейке. Ее лицо прикрывали русые волосы, на коленях лежал потертый кожаный скрипичный футляр.

- Зырь, какая баруха, – с видом знатока сказал Толян, сплевывая через золотую фиксу.
- И со швайкой, – добавил Грузчик.
- Счас споем под гитару, – икнул Жиртрест.
- Это не гитара, лох ты неграмотный. Это – скрипка, – снова цвиркнул через зуб Толян.
- А какая разница? – искренне удивился Жиртрест. – Она сыграет, а мы споем «Таганку».
- Развязной походкой они подошли к скамейке.
- Кого ждем? – ухмыльнулся Толян, смерив девчонку плотоядным взглядом.
- Не тебя, – с презрением сказала она.
- А че? Я че, горбатый или лысый? – распустив пальцы веером, спросил он. – Мы с пацанами гуляем сегодня. Может, попиликаешь нам на скрипочке?
- «Таганку» знаешь? – встрял в разговор Жиртрест.
- Ты, бля, не вякай, когда я со шмарой базары веду.
- Жиртрест обиженно пожал плечами.
- А я че? Я ниче.
- Идите вы своей дорогой, ребята, – едва заметно поморщившись, сказала девушка.
- На некоторое время разговор прервался из-за проехавшей по двору черной «Волги».
- Машина остановилась у дальнего подъезда, из нее вышли двое мужчин. Один постарше, лет тридцати трех, в дорогом зеленом пиджаке и черных брюках. Второй – на несколько лет моложе – в джинсовом костюме и кроссовках.
- Запарковав машину, они вошли в подъезд.
- Казалось, девушка не обратила на них никакого внимания, она чаще поглядывала на дверь первого подъезда.
- Однако Толян не преминул заметить:
- Ты че, может, по этим жлобам сохнешь? Так они на тебя и смотреть не будут. Я их знаю. Два брата-акробата: один – хрен, другой – лопата. Крутые, бля...
- Все. Мне надоело.
- Девушка резко поднялась со скамейки, взяла футляр за ручку и быстро юркнула между обступившими ее парнями.
- Эй-эй, баруха! Ты куда? – закричал Грузчик.
- Она быстро шагала в сторону спортивной площадки.
- Ты че? Мы еще не договорили! Толян, че стоишь, она же сейчас слиняет!
- Давай за ней!
- Толян, Грузчик и немного поотставший Жиртрест двинулись за девчонкой.
- Эй, шмара! Ты куда? Мы ж нормальные пацаны...
- Девушка прибавила шагу.
- К скверу рвется, – сообразил Толян. – Грузчик, дуй наперерез.
- Девушка едва успела дойти до сквера, как из-за деревьев навстречу ей выскочил Грузчик.
- Ну че, не ждали?... – похабно засмеялся он. – От нас так быстро не уйдешь.
- И тут же за ее спиной раздался голос Толяна:
- Погодь маленько, еще не вечер.
- Окруженная с двух сторон, девушка прижала к груди футляр.
- Что вам надо?
- Во, путевый базар, – засмеялся Толян. – Давай-ка присядем на скамеечку, сбациаешь нам че-нибудь на скрипочке. А мы послушаем. Вон Жиртрест, – он показал на своего припозднившегося приятеля, – никогда живьем такого инструмента не слышал. Он вообще думал, что это гитара. Гы-гы-гы...
- Скрипка не настроена, – сквозь плотно сжатые губы произнесла девушка.
- А ты настрой, нам спешить некуда, подождем.
- Зато я спешу.

– До ночи сидела во дворе, не спешила. А как мы об одолжении попросили, так у тебя времени нет, сука?

Толян выставил вперед руку. Раздался легкий щелчок, и в тусклом свете далекого фонаря сверкнуло лезвие ножа.

– Давай в кусты! И по быструхе шмотки снимай, – угрожающе произнес он.

Дружки Толяна ухмылялись в предвкушении скорого наслаждения.

– «Я знаю, милая, больше не встретимся. Дороги разные нам суждены...» – пропел Жиртрест, к которому внезапно вернулась память.

– Ну, че стала? – прибавил Грузчик. – Или ни разу ног не раздвигала?..

Все произошло так неожиданно, что позднее никто из троих не мог вспомнить, как оказался на земле. Молниеносным ударом ноги девушка выбила нож и тут же узким концом футляра врезала по челюсти Грузчику, стоявшему справа.

Пока Толян провожал взглядом упавший в траву нож, девчонка наотмашь ударила его по лицу другой, широкой стороной футляра. Жиртрест, так и не понявший, что произошло, получил исключительно болезненный удар в пах и, схватившись руками за отбитые до состояния яичницы гениталии, рухнул на дорожку.

Добавив Толяну и Грузчику еще по одному удару ногой по почкам, юная поклонница музыки легко перепрыгнула через скрюченные тела и исчезла в глубине сквера...

Очнувшись от боли, вмиг протрезвевший Грузчик увидел Толяна, который ползал на коленях по дорожке, усыпанной песком, и шарил перед собой руками.

– У, бя... – застонал Грузчик. – Это что такое было?

– Сука, бя... Падла, бя... Зуб мне выбила, паскуда. Я бы ее, бя...

– Жиртрест, ты живой?

– Угу... – промычал тот, с трудом поднимаясь на колени. – Яйца мне отбила...

Сверкнули фары подъезжающей машины. Раздался скрип тормозов, открылись двери.

Ослепленные бьющими прямо в глаза яркими лучами, незадачливые насильники услышали голоса:

– Ну что, красотки? Кто тут драку с поножовщиной устроил?

– Бля, менты... – еле выдавил из себя Грузчик.

– А, старый знакомый, – сказал один из патрульных милиционеров. – Зырянов, кто это тебе фингал под глазом поставил?

Грузчик прикрыл рукой горевшую щеку.

– Да мы ничего, начальник... – затынул он. – Мы так, с пацанами о музыке поспорили.

Ему, как и двум его подельникам, очень не хотелось признаваться в том, что они получили по сусалам от какой-то сопливой девчонки со скрипочкой.

Еще один милиционер прошелся с фонариком по траве вдоль дорожки.

– Во, глянь-ка, Баранов, – весело сказал он. – А это чего?

Милиционер поднял из травы, продемонстрировав своему напарнику, нож с раскрытым лезвием.

– Серьезные меломаны, – засмеялся второй патрульный. – Хорошо, случайный человек вас вовремя заметил, просигнализировал, а то из-за музыки порешили бы друг дружку.

– Тут, кроме Зырянова, еще одна знакомая личность. Толян, где ж твой золотой зуб?

– Сломался, – мрачно ответил тот.

– Чего это он у тебя сломался?

– Грецкий орех хотел раскусить.

– Как я помню, ты у нас под надзором состоишь? А дружок твой, Зырянов, – условно осужденный. Все, приплыли. Залезайте в «луноход».

– За что, начальник? – захныкал Жиртрест. – Мы ж ничего не делали... Так, поспорили чуток.

– Бегом в машину! – прикрикнул милиционер. – И не ждите, пока демократизатор по ребрам пройдет. Вам что, неясно сказано?

– Да че мы сделали-то?

– Посидите в обезьяннике, потом недельку-другую метлой помахаете – поймете. А с Зыряновым отдельно разбираться будем...

Константин был в ванной, когда раздался телефонный звонок.

– Игнат, подойди! – крикнул он, открыв дверь. – Я бреюсь.

Спустя несколько мгновений услышал голос младшего брата:

– Это тебя.

– Черт! – ругнулся Константин, полотенцем стирая пену с лица. – Кому я в одиннадцатом часу ночи понадобился?

Он вышел в коридор и снял трубку параллельного телефона.

– Я слушаю.

– Константин Петрович, это Володин, – услышал он сквозь треск и щелчки.

– Гришаня, мать твою!.. – не удержался Константин. – Тебя где черти носят?

– В Питере я, вопросы решаю.

– Как в Питере? Ты же вроде из Германии только что прибыл?..

– Сегодня прилетел, вопросы решаю.

– Какие, к черту, вопросы!.. Ты знаешь, что дома творится?

– Нет. А что?

– Автозаправку, которая за городом, рванули. Охранника убили, диспетчерша чудом спаслась.

– Кто же это сделал?

– Я у тебя хотел спросить.

– Я-то тут при чем? – жалобно спросил Володин.

– Что у тебя с Трошиным?

– Ничего. Я уж забыл, когда в последний раз его видел.

– Он не наезжал?

– Так вроде бы обо всем договорились полюбовно. Претензий пока не было.

– А с Копельманом?

– Изя – тишайший человек. Собственной жены как черт ладана боится. Я уж не говорю о серьезных делах.

– Уверен?

– На сто процентов.

– Ладно, проехали. Когда следующая поставка?

– Э... Костя, с этим проблемы.

– Какие проблемы?

– Полную предоплату требуют.

– У тебя же должны быть деньги.

– Понимаешь, я тут еще пару контрактов подписал.

– Каких контрактов?

– Спирт подвернулся очень дешевый, юговский. Партии небольшие, но можно будет процентов на триста подняться.

– Гришаня, ты что, не в своем уме?

– А что?

– Куда ты лезешь?

– Мы ж с тобой партнеры.

– Именно поэтому я в твои дела бензиновые и не суюсь.

- Как же, не суешься... А про поставки кто спрашивает?
- Твое дело технология, организация. А мое – контроль. И не забывай, чьи деньги. Я давал их тебе только под бензин.
- Понимаешь, там еще одна загвоздка вышла.
- Ну?
- Основную сумму я направил в банк на конвертацию.
- Так в чем проблема?
- Там сейчас проверка какая-то, комиссия из Минфина. Сам понимаешь, они нормально работать не могут.
- погоди-погоди... Какая проверка? Какая комиссия? Ты о каком банке говоришь? Я что-то не пойму...
- Извини, больше не могу разговаривать. Вернусь через пару-тройку дней, все расскажу. В трубке раздались короткие гудки.
- Константин, задумчиво потирая подбородок, сел на тумбочку в прихожей.
- Из комнаты выглянул Игнат.
- Кончил разговаривать? – спросил он.
- Да. А что?
- Трубку повесь.
- Только сейчас Константин заметил, что так и сидит с телефонной трубкой в руке.
- А ты куда звонить собрался?
- Наташке. Может, тебе еще рассказать, о чем я с ней намерен разговаривать?
- Ладно.
- Константин повесил трубку.
- Ерунда какая-то получается, – задумчиво подытожил он.
- Откуда звонил?
- Из Питера. Что он там делает, ума не приложу.
- А ты что, обо всех его делах знаешь?
- Вот то-то и оно, что не обо всех. Ох, чувствую, зря я связался с Гришаней. Подведет он меня под монастырь.
- Раньше надо было думать.
- Век живи – век учись. погоди-ка, Игнат, потом позвонишь своей ненаглядной.
- Константин снова снял трубку, набрал номер сотового телефона Семенова.
- Владимир Иванович, не спишь еще? Вот и хорошо. У меня к тебе просьба. Завтра с утра подними все, что у нас есть, на володинский «Бриг». И вообще, мне нужна вся подноготная. Да, все, что сможешь нарыть: счета, связи, партнеры, банки. Может, он еще какие-то фирмы открыл... Я понимаю, задача тяжелая. Подними связи в Москве. Хорошо бы еще Питер просветить, он там что-то крутит. Ничего конкретного у меня, одни догадки и предположения. Но ты же знаешь, я не люблю бежать позади телеги. В расходах не ограничиваю, но разумные рамки соблюдай. Да, очень важно. Будь здоров.
- Игнат, сидевший в своей комнате, едва успел перекинуться парой слов с подружкой, как был вынужден распрощаться, когда вошел Константин и жестом попросил положить трубку.
- Что?
- Машинка твоя фурычит?
- Константин кивнул на компьютер на столе Игната.
- А что с ней сделается?
- Заводи, надо покопаться у нее в мозгах.
- Досье хочешь поднять?
- Догадливый.
- Володин?

– Нет. Трошин и Копельман.

Пока компьютер загружался, а Константин усаживался за стол рядом с братом, Игнат спросил:

– Думаешь, это их рук дело? Но ведь Семенков говорил...

– Мало ли что он говорил.

– Хозяин – барин. Между прочим, мне нужен новый факс-модем. Этот безнадежно устарел.

Константин удивленно поднял брови.

– Так ведь полгода назад купили.

– Эх, темнота, – засмеялся Игнат. – Ты знаешь, что такое полгода в компьютерном мире? Сейчас техника развивается бешеными темпами. «Ю Эс роботикс» каждый месяц новую модель на рынок выбрасывает.

– Что ж поделаешь, покупай. Чек в бухгалтерию принесешь, оплатим.

– Вот это деловой разговор, – обрадовался Игнат. – Ну так, с кого начнем?

– Давай Исаака Лазаревича пощупаем.

Расставив на столе напитки и закуски, два официанта вышли из кабинета. Из-за закрытой двери приглушенно звучала музыка, не мешая собеседникам разговаривать. За накрытым столом в отдельном кабинете ресторана «Маленький принц» сидели трое.

Одним из них был Саша Порожняк, двое других в оперативных сводках городского отделения внутренних дел проходили под кличками «Шустрик» и «Ермолай». Шустрик, прозванный так за небольшой рост и нервные жесты, которыми он постоянно сопровождал сказанное, в свое время отсидел по гоп-стопной сто сорок пятой статье. Ермолай чалился за примитивное хулиганство, то есть, по тюремным понятиям, был простым «бакланом».

Опрокинув по стопарику «Смирновки», друзья-подельники закусили толстыми ломтями ветчины и захрумкали свежими огурчиками.

– Ну че там этот жид? – с плотно набитым ртом произнес Ермолай.

Прежде чем ответить, Саша Порожняк сытно рыгнул.

– Кипишует, морда.

– Чего это?

– Перессал, как кот помойный.

– А чего ему ссать-то? Не его ж накрыли, а Жигана.

– Потому и бздит.

– Он бы лучше азеров трухал, – заметил Шустрик. – От этих черножопых чего угодно ждать можно. Подставят, суки, а чуть какой базар – рыло отвернут: с понтом, мы тут ни ухом, ни рылом.

– Ты бы, Порожняк, с Айвазом перетер, – посоветовал Ермолай.

– Не бзди, перетру, – отмахнулся Порожняк. – Если надо будет...

– Нашему марамою скоро дым переправлять придется, – заметил Шустрик. – Может, отбой дать?

– Щас, разогнался, – презрительно бросил Порожняк. – Ты еще скажи, чтоб я сразу ментам сдался: мол, вяжите меня, мусорки, грешен.

– Да я только так, кумекаю.

– Не надорвись.

– А че ты кипишуешь?

– Не бухти, Шустрий. Все будет путем. Дам этому Мойше быка на карету с дымом, и ладушки. Че нам понты колотить? Никто не наезжал, а мы уже верзать начнем?

– Кто верзает-то?

– Все, завязали. Давай-ка лучше водяры накатим, расслабимся.

Глава 5

Грузовик «МАЗ», кабина которого выкрашена в защитный цвет, с длинным полуприцепом-фурой свернул с асфальтированного шоссе на укатанную проселочную дорогу. До деревни Смorchково оставалось несколько километров.

В этот вечерний час, когда последние солнечные лучи золотили верхушки дальнего леса, ничто для водителя грузовика не предвещало неожиданностей.

К тому же рядом с ним сидел охранник – здоровенный детина с крепким лбом и бычьей шеей. За всю неблизкую поездку охранник не произнес ни единого слова. Водитель, скучавший в дороге, пытался развлечься, как мог: то напевал что-то, то насвистывал. Охранник лишь курил сигареты одну за другой да время от времени сплевывал в открытое окно.

Вечер был теплый. Нагретый за день воздух врывается в кабину, мягко лаская лица.

– Сейчас поворот будет, – сказал водитель, обращаясь то ли к самому себе, то ли к охраннику, – за ним еще один, и приехали.

Детина, на лице которого не было заметно следов какой-либо активной умственной деятельности, смачно харкнул в окно и почесал руку, на которой был вытатуирован оскалившийся черт с кривыми рогами, клыками и длинной бородой. Шофер покосился на охранника.

– Слышь, друг, а что это у тебя там нарисовано?

Детина не удостоил шофера даже взглядом.

– Да ладно, друг, уже почти приехали, скажи хоть пару слов. А то всю дорогу отмалчивался. Звать-то тебя как?

– Кеша, – хмыкнул громила.

– Ну вот, хоть что-то, – засмеялся водитель. – Понимаешь, я раньше, еще до того, как на грузовик выучился, на такси шоферил. Уже три года баранку «МАЗа» кручу, а все никак к долгим дорогам привыкнуть не могу. Тянет поговорить. Ты-то сам машину водишь?

– Менты!

– Что? – не понял водитель.

– На дорогу смотри! – неожиданно взорвался охранник.

У последнего поворота на Смorchково стояла, наполовину перегородив дорогу, милицeйская желто-синяя «Волга» с включенным проблесковым «маячком». Двое высоких парней в камуфляжной милицeйской униформе, вооруженные короткоствольными автоматами, прохаживались по обочине. В машине сидели еще двое.

Увидев приближающийся грузовик, один из милиционеров поднял полосатый черно-белый жезл.

– Вот херня, – пробормотал шофер «МАЗа». – Что это они тут в такое время делают?

– Сейчас узнаешь, – угрюмо пробасил охранник.

Повинуясь жесту милиционера, шофер остановил фуру и выглянул в открытое окно. Охранник неуютно заерзал в пассажирском кресле.

– В чем дело, начальник? – бодро спросил шофер.

– Проверка документов.

Шофер вытащил из-за солнцезащитного козырька права, путевой лист и протянул их милиционеру. Пока тот разбирался с документами, водитель успел заметить на рукаве камуфляжной униформы нашивку «ОМОН».

– Так вы не из ГАИ? То-то думаю, что в такой поздний час автоинспекции на проселочной дороге делать?

– Много болтаешь, – строго заметил милиционер.

– Так я ж бывший таксист. Все, молчу.

Внимательно изучив документы, омоновец спросил:

– Оружие есть?

– Нет, конечно. Откуда у нас оружие?

– А это кто с тобой?

– Так, друг один. Скучно, понимаешь, в дороге, вот он и решил мне компанию составить.

– Выходите из машины оба.

– Да в чем дело, начальник? Ты хоть объясни.

– Машину будем досматривать.

– А что, с документами что-нибудь не в порядке? – поинтересовался водитель, открывая дверь «МАЗа» и спрыгивая на пыльный проселок.

Милиционер проигнорировал вопрос.

– Обыщи пассажира, – сказал он, обращаясь к своему напарнику, – потом кабину.

Второй омоновец быстро подошел к детине с татуировкой на руке.

– Руки сюда.

Профессиональным движением он раздвинул ноги обыскиваемого, перекинув автомат через плечо, обшарил с ног до головы.

– Документы есть?

– Дома оставил.

– Чистый. Стой так и не дергайся.

Осмотрев кабину, второй омоновец вытащил из-под сиденья пассажира монтировку и показал ее старшему.

– Только это.

– Добро, – кивнул старший и обратился к водителю: – Что в фуре?

– Там же написано в путевом листе – бочки с химикатами.

– А на фуре у тебя написано: «Продторгсервис», – заметил омоновец. – С каких это пор химикаты стали продуктами?

– Это же фирма так называется, – пояснил водитель. – А возить можно все, что угодно: хоть коров, хоть железные опилки.

– Открывай фуру, посмотрим, что там за химикаты.

Один из омоновцев остался стеречь охранника, старший с документами в руках проследовал за водителем. Заскрипели дверцы полуприцепа, изнутри пахло запахом лежалой рыбы и еще чем-то, определенно знакомым. Милиционер потянул носом.

– Что за вонища?

– Обычное дело, – пожал плечами шофер. – То одно возишь, то другое, все перемешивается.

Полуприцеп был плотно забит уставленными друг на друга бочками синего цвета с надписями латинским шрифтом.

– Товар, похоже, импортный? – сказал омоновец.

– А нам, татарам, все равно, – засмеялся водитель. – Что загрузили, то и везем. Наше дело маленькое, как в школьной задаче: из пункта А в пункт Б надо доставить товар. Быстрее обернешься – больше денег заработаешь. Мы ж, шоферюги, с колес живем.

– Да не трюнди ты, – оборвал его омоновец, – лезь давай.

Сам он забрался в полуприцеп следом за шофером.

– Открывай.

– Так ведь там зараза. Дыхнешь один раз – потом всю жизнь кровью харкать будешь, – кисло сказал водитель.

– Ничего, от одного раза не подохнешь, – уверенно сказал милиционер. – А вот если не откроешь, париться тебе в аквариуме.

– Да ладно... Я чего, я ничего.

Немного поколебавшись, водитель отвернул закручивающуюся крышку емкости. Омоновец наклонился над бочкой, принялся.

– Что-то от твоих химикатов спиртягой несет.

– Не может быть.

– А ты не бойся, пригнись.

Шофер тоже наклонился над бочкой, осторожно нюхнул раз, другой. На лице его появилась мина глубокого удивления.

– Это, наверное, аммиак, – неуверенно предположил он. – Я слышал, что аммиак чем-то похожим пахнет.

– Аммиак – это нашатырный спирт, – хмыкнул омоновец, – а мой нос чувствует запах этилового. И этот запах я никогда ни с чем не спутаю.

– Ну, не знаю... – Водитель почесал затылок. – Может, в одной бочке случайно оказался?

– Закрывай. Давай другую.

Вторая бочка издавала тот же самый аромат.

– Я сразу подумал – чем-то знакомым несет, – сказал милиционер. – Все ясно. Вылезай.

Один за другим они прыгнули на землю, шофер закрыл дверь полуприцепа, замотал ее куском проволоки.

– Что ж теперь будет-то, а, начальник?

– Следствие будет.

– Так ведь я ж тут ни при чем. Мое дело маленькое.

– Я уже это слышал, шагай. Разберемся.

Подойдя к кабине, омоновец сказал своему напарнику:

– Дело ясное, товар контрабандный. В путевом листе в накладных записано – химикаты, а там – спирт.

– Кто грузоотправитель? – поинтересовался тот.

– Сейчас глянем. Какая-то фирма... что-то неразборчивое. И штамп смазанный. А предназначено это все какому-то заведению под названием «Контур». Эй, ты, как там тебя, – омоновец глянул в документы, – Петров, куда с грузом направлялся?

– В Сморгчево.

– И что там?

– Не знаю. Мне сказали: спросишь там у кого-нибудь, где зерноток, все покажут, вот туда и вези.

– Проверим, – деловито сказал старший.

Он направился к желто-синей «Волге», подал документы сидевшему на заднем сиденье и перекинулся с ним несколькими фразами. Вернувшись к грузовику, милиционер сказал:

– Так, мы сейчас проверим, что у них там на зерноток, а вы посидите там, на травке, под присмотром.

Второй омоновец ткнул стволом автомата в спину татуированному охраннику:

– Руки за голову. Вперед! Водила, руки на голову, за ним следом!

– Так мы что – арестованные? – повернув голову вполоборота, спросил водитель грузовика.

– Задержанный, не оборачиваться! – прикрикнул на него омоновец, шлепавший подошвами тяжелых ботинок по вытоптанной тропинке.

Перекинув автомат за спину, омоновец быстро вытащил из бокового набедренного кармана камуфляжного комбинезона пистолет с глушителем.

Едва задержанные прошли по тропинке за широкий раскидистый куст, омоновец вскинул руку с пистолетом и, практически не целясь, выстрелил в затылок водителю.

Пуля прошла под основание черепа и, пробив лицевую часть, вместе с кровью, осколками костей и серыми брызгами мозга вышла наружу.

Татуированный охранник, услышав позади себя странный звук, успел обернуться. Он увидел собственную смерть своими глазами.

Быстрым профессиональным движением омоновец направил ствол пистолета ему в лоб и тут же нажал на спусковой крючок.

Труп охранника, залитый кровью и ошметками мозгового вещества, тяжело рухнул на мягкую зеленую траву рядом с трупом водителя, который при жизни был очень разговорчивым. Убийца, убедившись в том, что дело сделано грамотно, спрятал пистолет и быстрым шагом вернулся на дорогу.

– Порядок, – сказал он старшему.

– Садись за руль грузовика. Да униформу не забудь снять. Мы поедем впереди, не отставай.

* * *

Копельмана среди ночи разбудил телефонный звонок. Нашупав спросонья кнопку ночника, он включил свет.

– Ни днем, ни ночью покоя нет, – пробурчала супруга, отворачиваясь и накрывая голову подушкой.

– Спи, Миррочка, – успокоил ее Исаак Лазаревич.

Хотя он и ждал этого звонка, сердце его было беспокойно – как там все прошло?

– Слушаю.

– Исаак Лазаревич, – раздался взволнованный мужской голос, – это Дрейер звонит.

– Что у вас, Семен Семенович?

– Машина не пришла.

Не зря опасался Исаак Лазаревич. Шестое чувство его не обмануло.

– До ночи ждали. Решил вам позвонить, поставить в известность.

– Почему не пришла? Я же сам проследил за отправкой! Она должна была прийти не позже десяти часов вечера. Ничего не понимаю.

– Мы тоже, Исаак Лазаревич.

– Может, сломалась где-нибудь по дороге? Ладно, Семен Семенович, сколько у нас там еще сырья?

– На день работы.

– Вот и работайте, а я с утра разберусь.

Положив трубку на рычаг телефонного аппарата, стоявшего на столике рядом с кроватью, Исаак Лазаревич отбросил одеяло, сунул ноги в шлепанцы и поплелся на кухню.

– Куда ты, Изя? – прогундосила супруга.

– Мирра, я же тебе говорил – не морочь мне голову, и без тебя забот хватает.

– Завтра ты пожалеешь об этих словах, – угрожающе донеслось из-под подушки.

Копельман только раздраженно отмахнулся в ответ и вышел из спальни.

«Ай-яй-яй, как нехорошо, – подумал он. – Шестнадцать тонн сырья... По нашей технологии семьдесят тысяч бутылок минус накладные, туда-сюда... Ай-яй-яй, как нехорошо... тысячи долларов... Мне этот водитель сразу не понравился. Ой, как я промахнулся... А ведь к нему охрану посадили. Может, зря я так нервничаю?» Копельман сел на кухне у открытой форточки, закурил, тоскливо посмотрел на пупырчатое звездное небо.

«Я чувствовал, нет, я знал – что-то должно случиться. Это все Панфилов, все он. А как иначе? Ему с бензином кто-то дорогу перебежал, он, конечно, сразу на меня подумал. Ай-яй-яй, как нехорошо... Вместо того чтобы встретиться, поговорить, он устраивает мне такую пакость со спиртом. Нет, вы только подумайте, кому он это устраивает? Мне – Изе Копельману,

который чист перед ним, как младенец. Если до полудня машина не найдется, я буду что-то предпринимать».

Затушив окурок в пепельнице, Исаак Лазаревич подошел к двери на кухню и прислушался. Кажется, супруга все-таки заснула.

Достав из укромного уголка кухонного ящика полную бутылку коньяку, Копельман отвернул пробку и налил тридцать граммов в маленькую серебряную рюмочку. Проглотив коньяк одним глотком, он почмокал губами, стараясь дольше удержать во рту мягкий аромат «Метаксы». Затем, после некоторых сомнений, налил себе еще одну рюмку, выпил, спрятал бутылку и отправился спать.

В постель он лег, повернувшись к супруге спиной.

Глава 6

Днем в кабинет к Константину зашел начальник службы безопасности Семенов. Под мышкой он держал тонкую папку.

– Проходи, Владимир Иванович. Что удалось узнать?

Семенов сел за стол, открыл папку, разложил несколько листов бумаги.

– Не очень много, Константин Петрович, но пища для размышлений есть.

– Так я и думал.

– Взгляни-ка сюда.

Семенов подал Панфилову две бумаги.

– Это копии первых страниц учредительных документов. Одна фирма зарегистрирована в Москве, другая в Санкт-Петербурге.

Константин бегло просмотрел бумаги.

– Но здесь нет фамилии Володина. Учредитель-то в одном случае Шевелев, в другом – Крамаренко. Кто это такие?

– Шевелев Виктор Дмитриевич, – пояснил начальник службы безопасности, – отчим нашего дорогого Григория Валентиновича Володина, а с гражданкой Крамаренко все еще проще. Глянь-ка на имя-отчество.

– Светлана Моисеевна.

– Светлана Моисеевна Крамаренко – родная жена Володина. Это ее девичья фамилия.

– Вон оно что!

Глядя на документы, Константин машинально достал из ящика стола пачку «Кэмела» и закурил.

– Ты же вроде бросать собрался, – заметил Семенов.

– Собрался, да еще не бросил. Да... а ведь наш Гришаня, оказывается, совсем не промах.

– Я не уверен, что это все, – сказал Семенов. – Больше того, думаю, что это далеко не все. Чем больше контор, зарегистрированных на близких людей, тем свободнее руки. Деньги можно перебрасывать оттуда сюда, отсюда туда, потом законопатить их в какой-нибудь мелкой фирмочке, обналичить, а фирму закрыть.

– Допустим. Но за один раз много не снимешь. В чем смысл?

– Курочка по зернышку клюет, сыта бывает. Тут кусок оторвал, там чего-то хапнул, глядишь – изрядный куш получается.

– До сих пор я за ним ничего подобного не замечал.

– Но ведь ты, Константин Петрович, следил только за собственными деньгами. До сих пор он тебя не подводил, это верно. А что будет завтра? Сколько ты в него вложил, помнишь?

– Двести миллионов.

– Это, между прочим, твои деньги. Были, по крайней мере, когда-то...

– Что еще?

– Полный список партнеров сможем составить через день-два. Для этого нужно провести кое-какие технические мероприятия. Но один факт я все-таки смог выяснить. Некоторое время назад Володину предлагали долю в одном из крупнейших российских банков.

– Долю? – переспросил Константин.

– Именно. Не какие-то жалкие доли процентов и даже не проценты. По некоторым данным, пока еще неподтвержденным, от четверти до трети.

– Кто же это ему предлагал? Что за банк такой щедрый?

Семенов вздохнул и развел руками.

– Тоже пока не знаю. Информация оперативная, требует проверки, но в том, что это правда, я не сомневаюсь.

– Почему?

– Источник получения информации не оставляет в этом никаких сомнений.

– И какой же это источник?

– Перехват телефонного разговора. Нельзя сказать, чтобы случайный, скорее, если можно так выразиться, попутный. К сожалению, именно по этой причине и не был записан до конца.

– Кто с кем разговаривал?

– Володин с неизвестным абонентом в Москве. Володин обращался к нему по имени Саша, а тот называл его Григорием Валентиновичем. Голос у абонента очень молодой. Так вот, этот Саша говорил примерно следующие слова: переходи ко мне, мол, Григорий Валентинович, получишь серьезную долю. Банк крепко стоит на ногах, ты на годовые проценты остров в Тихом океане себе купишь. Потом они называли друг другу какие-то цифры, значения которых я до конца не понял, то есть совсем не понял, слишком мало информации.

– Номер абонента, конечно, не определили?

– Увы... Москва хоть и рядом, но дотянуться до нее у нас руки короткие.

– Значит, Саша... Интересно, какие такие услуги оказал ему наш Григорий Валентинович, что ему такие золотые горы пообещали? Может, туфта это все, ветер? Пустая болтовня?

– Варианты, конечно, возможны. Есть, пожалуй, несколько процентов вероятности того, что собеседник нашего Григория Валентиновича создавал таким образом дымовую завесу. Может быть, пытался отвлечь его.

– От чего?

– От каких-то важных фактов... или обязательств.

– То есть?

– Я допускаю такой вариант: Володин вложил деньги в какой-то банк на определенных, конкретных условиях. Не на тех, какими банки привлекают обычных клиентов, а, скажем, получше.

– Погоди, погоди. А какой смысл банку привлекать деньги клиента не на общих условиях, а на условиях, более выгодных клиенту, чем банку?

– Ну... это зависит от обстоятельств. Допустим, банк находился в критическом финансовом состоянии, и крупное поступление средств могло помочь ему спастись. В таком случае клиент вполне мог выхлопотать себе процент повыше.

– Вообще-то, похоже на правду, – вынужден был согласиться Константин. – Но... я что-то не припоминаю, чтобы у нас в последнее время какой-нибудь банк плохо себя чувствовал. Деньги делаются из воздуха. Банки растут как на дрожжах. На перепадах курсов за день можно заработать миллионы.

– Все правильно.

Семенов минуту помолчал.

– А как тебе такая возможность – для того, чтобы раскрутиться, банку нужен был стартовый капитал. Я говорю об уставном фонде, оборотных средствах. Гриша Володин открыл свой кооператив, как только приняли закон о кооперации. К девяностому году у него уже были приличные деньги. Мог он вложить их в уставный фонд какого-нибудь банка?

– Сомнительно. Сколько помню Гришу Володина, денег у него особо не водилось. Ездил на добитом «жигуленке», одевался кое-как.

– Чем он занимался в своем кооперативе?

– Да, в общем, ерундой какой-то, по мелочам: шмотки, обувь возил из Армении, у него там кто-то из родственников жил в Ереване. Были выходы на директора обувной фабрики. Нет, ну чепуха все это. Покойный Большаков, Андрей Иванович, который когда-то меня к себе в кооператив взял, мог Володина вместе с потрохами купить... Что-то я пока не понимаю: Гриша, Саша, доля, проценты, банк, Запрудный, Москва, Питер. Нестыковка какая-то.

– Ничего удивительного, – произнес Семенков, – информации-то у нас почти нет. И четкой задачи тоже нет. Целенаправленный поиск сильно облегчает задачу. А то, чем я занимаюсь с Володиным, напоминает поиски черной кошки в темной комнате. Может, ее и нет там вовсе?

– Хорошо, – барабанил пальцами по крышке стола, сказал Константин. – Володина пока отодвинем в сторону. Но ты, Владимир Иванович, о нем не забывай.

– Хорошо.

– Что с автозаправкой?

– Ноль. Никто, кроме диспетчерши, больше ничего не видел и не слышал.

– Так что получается – гастролеры? А может, все-таки джигиты Айваза? Или бойцы Саши Порожняка? Не было ж до сих пор в районе ничего подобного.

– Пока мы над этим работаем, Константин Петрович. Как только станут известны новые факты, я проинформирую.

– Хорошо.

Когда Семенков уже подходил к двери, Панфилов окликнул его:

– Владимир Иванович, напомни, сколько бензина сгорело на автозаправке Володиной?

– Что-то около двадцати тонн.

Оставшись в одиночестве, Константин, набросав на листке бумаги несколько цифр, прикинул объем убытков. Только по приблизительным расчетам – стоимость сгоревшего бензина, затраты на ремонт и восстановление станции – получалось, что нападение обошлось не менее чем в двадцать тысяч долларов.

«Да, – подумал Панфилов, глядя на цифры, – еще пара таких наездов, и Гриша Володин без порток останется. А между тем он ведет себя так, будто денег у него немерено. Разъезжает по Европам, контракты заключает. Когда ко мне пришел денег просить, скулил, чуть не в ногах валялся, на бедность жаловался. Ладно, вошел я к нему в долю, дал денег, и что в результате? Прибыли пока нет, одни убытки... Нет, надо ждать, пока сам явится».

Скомкав листок, Панфилов сжег его в пепельнице, потом поднял трубку и набрал московский номер.

– Алло, – ответил такой родной и такой далекий голос Татьяны.

– Это я.

– Какими судьбами?

В ее голосе звучала горькая ирония.

– Я звонил тебе вчера, хотел приехать, но никто не поднимал трубку.

– Мы с Андрюшей были у подружки за городом.

– Как он там?

– Нормально.

– Обо мне не спрашивал?

– Чего ты хочешь? – уклонилась она от ответа.

– Хотел приехать, поговорить.

– О чем?

– Ты считаешь, нам не о чем разговаривать?

– Я этого не говорила.

Ее голос смягчился.

– Хорошо, я выезжаю немедленно. Через пару часов буду. Ты дождешься меня?

– Интересная у тебя манера разговаривать. Сначала перед фактом ставишь, а потом... Конечно, я дождусь. Только, пожалуйста, не гони как сумасшедший.

* * *

Исаак Лазаревич пребывал в состоянии, близком к панике. Водочный бизнес, составлявший немалую статью его доходов, оказался на грани краха.

Небольшой разливающий цех, поставленный два месяца назад в деревне Сморчково, остановился. Причина простая – отсутствовало сырье. Каждый день простоя обещал миллионные убытки.

Многотонную машину, груженную немецким спиртом, найти так и не удалось. Зато в лесу, неподалеку от Сморчкова, кто-то из местных обнаружил два трупа. Лицо одного было изуродовано до неузнаваемости выстрелом почти в упор. Второго тоже застрелили, но опознать его оказалось гораздо легче. Им был охранник из людей Саши Порожняка, опекавшего фирму Копельмана.

Узнав, что шофер и охранник машины со спиртом убиты, а сам груз исчез в неизвестном направлении, Исаак Лазаревич заперся в своем кабинете и стал лихорадочно обдумывать сложившееся положение.

«Ай-яй-яй, как нехорошо получается, разбойное нападение, два мертвых человека, а милиция ничего не может сказать. Что она вообще может, эта милиция? Думай, Изя, думай, ты же умный. Цех стоит, денежный ручей пересох. И что я скажу за такие убытки Александру Захаровичу? А что я должен говорить? Я предупреждал: надо ждать беды. Сердце мне говорило – неспроста все это...»

Услышав трель телефонного звонка, Копельман вздрогнул. С опаской сняв трубку, он приложил ее к уху.

– Да?

– Изя, что же это творится?

Услышав нудный голос супруги, Копельман едва не застонал.

– В чем дело, Миррочка, дорогая?

– Соне сказали в музыкальной школе, что она бездарь, что из нее никогда не получится Полины Осетинской. Кто такая эта Полина? Она из Осетии?

– А я откуда знаю, Миррочка!

– По какому праву они так оскорбляют моего ребенка? Изя, ты должен что-нибудь сделать.

– Что я могу сделать? – недоуменно переспросил Копельман.

– Изя, тебя хорошо знают в городе, поговори с кем-нибудь из начальства, пусть снимут директора.

– Миррочка, золотце, подумай, что ты говоришь. Разве имеет значение, кто будет сидеть в кресле директора школы?

– Имеет. У Сонечки на носу выпускные экзамены. С плохими оценками она никуда не поступит.

– Боже мой, Миррочка, у меня на работе большие неприятности, а ты загружаешь меня какой-то ерундой.

– Семья – не ерунда, Изя. Ты дождеешься, что твоя дочь пойдет на панель. Какой позор для семьи, какой позор!..

Услыхав в трубке короткие гудки, Копельман внятно произнес несколько слов, от которых его драгоценная супруга упала бы в обморок. Матерился он в очень редких случаях, но сейчас был именно тот случай.

«Что же делать? – растерянно думал он. – Это не может продолжаться бесконечно. Куда мы катимся? Кто-то специально копает под меня. Кто? Неужели этот бандит Панфилов? Он решил, что я не даю ему развернуться с бензином, и нанес удар в больное место. Ай-яй-яй,

как нецивилизованно. А что, собственно, можно ждать от бывшего уголовника? Он считает, что можно быть неразборчивым в средствах, когда дело касается Изи Копельмана. Даром ему это не пройдет... Нет, Изя, постой, ты ж не такой, как он, ты не будешь устраивать бойню! Позвони ему».

Копельман открыл записную книжку, нашел нужную страницу, набрал номер.

– Фирма «Лидер» слушает, – раздался в трубке воркующий женский голос.

– Я могу услышать Константина Петровича?

– К сожалению, его нет на месте.

– Когда он будет?

– Очевидно, к вечеру. Что-нибудь передать?

– Передайте, что звонил Копельман Исаак Лазаревич. Я хотел бы поговорить с ним, а еще лучше – встретиться.

– Хорошо, я запишу и передам Константину Петровичу, как только он вернется.

Копельман нажал на рычаг телефонного аппарата и тут же набрал еще один номер.

– Александр Захарович? Копельман звонит. Нам нужно встретиться...

* * *

Бухгалтер, милый мой бухгалтер,
Вот он какой, такой простой,
Бухгалтер, милый мой бухгалтер...

Константин раздраженно повернул ручку и выключил магнитола. Лившаяся из динамиков бодрящая песенка никак не соответствовала его душевному состоянию.

В делах наступил раздрай, с Татьяной отношения тоже складывались не так, как хотелось бы.

А ведь как здорово начиналось два года назад. Он вспомнил их первую встречу в клинике, когда она вошла в лифт. «Я в транспорте не знакомлюсь...»

Потом еще были встречи. Да, август девяносто первого...

Несколько раз она приезжала к нему в Запрудный. Пару недель они даже пожили вместе. Тогда Игнат был в Москве, на реабилитации после операции по поводу позвоночника. Но что-то не складывалось. То ли дурную роль сыграл ее опыт неудачного замужества, то ли она ждала чего-то другого. Но ведь мужчина не может всегда находиться рядом с женщиной. У него должно быть дело, ему надо зарабатывать. Ей же хотелось, чтобы Константин всегда был рядом.

Вот кто радовал – так это пацан. Андрюшка быстро привязался к Константину, хотя при первой встрече казался таким серьезным, почти взрослым.

Потом Татьяна вернулась в свою московскую квартиру. Встречи продолжались. Иногда чаще, иногда реже. Константин уже сбился со счета, сколько раз он предлагал ей выйти замуж. Она вроде бы соглашалась, но просила дать ей немного времени, чтобы подумать. И каждый раз отказывалась.

Он срывался, порой даже обещал себе, что никогда больше не позвонит ей. Но неделю-другую спустя снова набирал ее московский номер, ехал в знакомый дом на Митинской улице, проводил ночи в ее объятиях, покупал подарки, баловал ребенка...

Глава 7

– Заходи.

Открыв дверь, она отступила в сторону, пропуская его в квартиру.

За те два года, что они были знакомы, Татьяна почти не изменилась. Та же короткая стрижка каштановых волос, та же смугловатая кожа, те же изящно очерченные губы. Только вот взгляд стал каким-то иным. Временами он мог быть чистым, открытым, а иногда от ее глаз веяло таким холодом, что Константину сразу же хотелось уйти.

Сейчас, глянув в ее глаза прямо с порога, он успел заметить печально знакомые льдинки отчуждения. В голове мелькнула позорная мысль: «Зря приехал», – но отступить было поздно.

Он остановился в прихожей.

– Проходи куда-нибудь, – предложила она, – я сейчас сделаю кофе. Ты, как всегда, сам за рулем?

– Пока обхожусь без сопровождающих.

– Я так и думала.

– Посижу на кухне, покурю.

– Как хочешь.

Чуть задержавшись, он заглянул в комнату. Все та же знакомая обстановка: диван, кресло, журнальный столик, книжный шкаф и все прочее. Панфилов вдруг сообразил, что сделал это не просто так, не по привычке. Он искал следы, которые мог бы оставить другой мужчина.

«Господи, идиотство, я же сам предупредил ее, что приеду. Что я надеюсь здесь увидеть? Чью-то мятую рубашку? Или носки за диваном? Панфилов, ты стал мнительным».

Она, конечно, поймет, по какой причине он задержался. Если... если не придумать подходящего объяснения.

– А где Андрей? – спросил Константин, заходя на кухню и усаживаясь за стол.

– Он остался там, у подруги.

– На даче?

– Это не дача, а большой загородный дом.

– И что он там делает один?

– Во-первых, он не один. Там есть дети, есть хорошая спортивная площадка, пруд. Рядом – хороший сосновый бор.

– Ты не боишься за него?

– Он вполне самостоятельный ребенок и знает, что можно, а чего нельзя. Во-вторых, ребенку нужен свежий воздух, не век же ему дышать ароматами с нашей птицефабрики.

– У меня тоже есть дом, – сказал, закуривая, Константин. – Правда, там еще не везде закончена отделка. Но если бы ты согласилась, мы давно уже могли бы жить там. Место там хорошее, речка, лес...

– И ни одной живой души вокруг, – добавила в унисон Татьяна. – Только охранники – кося сажень в плечах и с нулевым интеллектом.

– Хм... А чего ты ожидала от охранников? Они должны быть философами? Красноба-ями? Сыпать шуточками налево и направо?

Татьяна промолчала, а потом и вовсе отвернулась, взявшись перемывать чистые тарелки. Но Константин решил не отступать.

– Почему ты не хочешь переехать ко мне?

– Я уже говорила – не хочу жить одна в большом доме. Я знаю тебя. Ты будешь пропадать целыми днями, а мне что – выть от одиночества на луну, как бродячие собаки в лесу?

– Ты же понимаешь, что я не могу целыми днями сидеть дома. У меня дела...

– Да, да, конечно, бизнес, – скептически поддержала она.

– Что в этом плохого?

– Ничего. Но и хорошего тоже ничего. И потом, если даже не думать о себе, то ребенку нужно учиться.

– В Запрудном такие же школы, как везде.

– Не такие, – отрезала она.

– И в чем же разница?

– Во всем. Ребенок уже год изучает английский язык, а с третьего класса у них начинается французский.

– Ну и что? Наймем преподавателя.

– Это у вас-то в Запрудном? – с легким пренебрежением спросила она.

Потом спохватилась:

– Нет, ты пойми правильно. Дело не только в полноценном образовании, но и в воспитании. Вообще, в подходе к жизни. Сейчас он находится в коллективе, ему там интересно, весело. А что ждет его в Запрудном? Не забывай, здесь все-таки Москва.

Она с ожесточением терла тарелки.

– Хорошо, допустим, он будет жить в большом загородном доме. Что, возить его каждый день туда-сюда в школу и обратно? Или пригласить гувернера, как сыну помещика? В кого он превратится? Кем он вырастет?

– Нормальным человеком.

– Я в это не верю.

– У тебя кофе убежал.

Густой черный напиток с шипением выплеснулся на плиту.

– Мог бы и сам выключить, – с упреком сказала она, разливая кофе по чашкам и протирая плиту.

– Так ведь я гость здесь, не хозяин, – возразил Панфилов.

И снова она промолчала.

– Знаешь, что я думаю? – сказал Константин. – Дело не в пацане. Ты просто прикрываешься им, как щитом.

– А в ком же?

– В тебе. Ты не веришь мне, но почему, понять не могу.

Она отставила в сторону посуду, взяла чашку кофе, присела на подоконник.

– Хорошо. Раз уж ты так повернул разговор, я скажу, почему не хочу жить с тобой. Два года назад я влюбилась в тебя, ты знаешь об этом. Я смотрела на тебя и думала: вот мужчина, которого я ждала. Я видела только тебя. Только потом я стала прозревать.

– И что же ты узрела?

– Я думала, что твое прошлое, ты понимаешь, о чем я говорю, было лишь случайным эпизодом. Оступился человек, с кем не бывает. Потом я начала кое-что понимать, но списывала все на твою заботу об Игнате. А оказалось, что это далеко не так. Я хочу сказать, не так просто. И я стала думать: какой ты на самом деле? Я видела тебя слишком разного.

Константин усмехнулся:

– А ты хотела, чтобы я всегда был одинаковым?

– погоди, выслушай меня до конца. Мне казалось, что настоящий Костя – это тот, который обнимает, целует, ласкает меня. Но, когда я узнала, чем ты занимаешься, я поняла, что ошиблась. Те способы, которыми ты добываешь себе деньги, это... это... грязь.

Разнервничавшись, она отвернулась к окну.

– Я не хочу иметь с этим ничего общего. Это по меньшей мере... противозаконно.

Константин едва удержался, чтобы не заорать: «Но ведь ты ни разу не отказалась от этих грязных денег!» Закурив новую сигарету, он сделал подряд несколько глубоких затяжек. Погасил в себе приступ ярости:

– Послушать тебя, так я какой-то урод. Вокруг меня только дерьмо и ничего хорошего. Сейчас так живут тысячи, и по-другому прожить невозможно.

– А ты пробовал жить по-другому? – не оборачиваясь, спросила она.

– Да, пробовал! – почти выкрикнул он. – Я жил, как все. Учился в школе, работал, тянул лямку. Потом, как все, ушел в армию выполнять долг перед Родиной.

Не выдержав, он вскочил из-за стола, стал расхаживать по кухне.

– Родина получила от меня все, что хотела. Я не спрашивал, зачем меня отправляют туда, на бойню. Я просто шел и делал то, что мне приказывали. Мне говорили: интернациональный долг, интересы государства превыше всего, тебя встретят на родине как героя. А все оказалось туфтой, полной туфтой, понимаешь? Сколько слов было, сколько ожиданий. А нас просто использовали, как портянки. Сносили, протерли и вышвырнули на помойку. И потом то же самое государство, за которое мои друзья погибли там, в горах, сделало меня преступником. Оно проехало по мне, как асфальтовый каток. И дело даже не во мне лично. Я не один был такой. Всех, кто смог вернуться оттуда, жизнь переломала, покалечила...

– Это еще не дает тебе права...

– Дает! – закричал он. – Я сам по себе. Я отдал все, что мог. Нажрался этой баланды из общего котла – во, по горло! Хватит!

– Раньше ты так не думал.

– Спасибо одному умному человеку, просветил.

Константин вспомнил Елизарова.

– Когда-то мне казалось, что он ошибается. Потом, слава Богу, хватило ума... Да, я давно не в ладах с этим государством. Сначала я не сопротивлялся, потому что не понимал, что происходит. Потом оно наехало на меня, сделало отбросом, и я начал воевать. Воевал так, как мог, как меня научили. Я не обращал внимания на законы.

– Но почему? – почти простонала Татьяна.

– А кто устанавливал эти законы? Те же, кто использовал и вышвырнул нас за ненужностью? Кто дал им это право? Почему они решили, что могут распоряжаться моей судьбой? Что это за законы? Дикое зверье в лесу живет честнее. Там прав самый сильный, или самый хитрый, или самый изворотливый. После того, что случилось два года назад, я много над этим думал. И знаешь, к какому выводу я пришел?

– Догадываюсь.

– Да, плох не я, плох закон, который не может никого защитить. А не может он это сделать потому, что не хочет. Это государство не видит во мне человека. И что я должен делать, когда вокруг такой беспредел? Где выход для нормального, здорового мужика? Выход один: думать о себе и защищаться самому. Может быть, я в чем-то не прав, но только по мелочам. Жить я никому не мешаю. Если бы мне дали развернуться, то многим вокруг стало бы лучше. Теперь ты понимаешь, что происходит?

– Уходи, – слабым голосом произнесла она.

– Что?

– Я больше не могу. Я устала. Это слишком тяжело для меня.

– Как знаешь...

Он ушел, хлопнув дверью.

Ему многое еще хотелось сказать Татьяне. О том, что главный преступник в нашей стране – это государство. Оно ворует, не доплачивая зарплату, сжирает деньги, которые люди копили годами и десятилетиями; оно мошенничает, мороча голову сказками о светлом будущем в виде

ваучеров; оно требует налоги, взятки, подношения; в конце концов, оно убивает в бессмысленных войнах.

Что должен делать человек в таком государстве: либо безропотно смотреть на то, что творится вокруг, либо действовать? Действовать! Если надо, зубами и когтями, вырывая настоящее для себя и будущее для своих детей.

Или есть какая-то иная логика?

Глава 8

Пройдя мимо группы немецких туристов, шумно обменивавшихся впечатлениями у колонны Сигизмунда, Александр Кононов оглянулся.

Ему показалось, что молодой человек в цветастой майке и джинсах слишком внимательно смотрит в его сторону. А тот, постояв возле туристов и послушав экскурсовода, развернулся и двинул в противоположную сторону.

«Кажется, я становлюсь слишком подозрительным, – подумал Кононов. – Да и с чего это вдруг кому-то следить за мной? Я ж не удрал сюда под чужой фамилией. Уехал в командировку, обычную, по служебным делам. Задержался на пару дней, ничего особенного».

Но тревога все-таки не оставляла его. На всякий случай Кононов зашел в ближайший бар – посидеть за стойкой, понаблюдать за улицей, а заодно пропустить рюмочку-другую вишневого ликера.

День был в разгаре. В баре почти не оставалось свободных мест. Но Кононову все-таки удалось пристроиться в углу возле стойки. Он заказал выпить и стал осторожно приглядываться к посетителям.

По большей части это были иностранцы. Вот эти, за ближним столиком, – немцы. Чуть дальше – австрияки, это легко было определить по специфическому выговору без обычного немецкого грассирующего «р».

Из самого дальнего угла доносилась английская речь, а еще в баре было несколько японцев с неизменными фотоаппаратами и видеокамерами.

«Как быстро изменилась Варшава, – думал Кононов. – Когда я приехал сюда в первый раз, кажется, в девяностом, это был обычный серый город в обычной серой соцстране. Как там говорили раньше? Курица – не птица, Польша не заграница. Нет, конечно, кое-что отличало Варшаву от Москвы. Европа все-таки. Но теперь...»

Варшава на самом деле сильно изменилась.

Бурно шло новое строительство, реконструировались старые здания, открывались обменные пункты, нотариальные конторы, банки, финансовые компании, автосалоны, ночные клубы, казино, дискотеки, огромные, сверкающие стеклом и никелем супермаркеты. На улицах появлялось все больше и больше иностранцев, проявлявших живой интерес именно к польской столице.

Шоковая терапия принесла быстрые плоды. Небольшой бар, в котором сидел Александр Кононов, был явственным тому подтверждением. Двое ближайших к Кононову посетителей встали из-за стойки и, расплатившись, вышли на улицу. Их места заняли длинноногие девчонки в коротких юбках с почти одинаковыми смазливymi личиками в полной боевой раскраске.

Коверкая польские слова, одна из них заказала бармену кофе с коньяком. В ожидании заказа она зазывно посмотрела на Кононова, хлопая длинными, густо накрашенными ресницами.

Кононов мгновенно просчитал девиц.

– Ну что, Наташа, как дела? – спросил он, одарив соседку ослепительной белозубой улыбкой.

– Вы из Союза? – удивилась она. – Никогда бы не подумала. А как узнали, что мы русские?

Вспомнив фразу из спектакля знаменитого кукольного театра Сергея Образцова, Кононов ответил:

– Соотечественника за границей узнаешь по выговору.

– Да? Но вообще-то я не Наташа.

– Как же тебя зовут?

– Лада.

– А подругу?

– Анжелика, – игриво потрянув белокурыми волосами, сказала девушка. – Мы из Горького, он теперь, кажется, Нижним Новгородом называется.

– Давно здесь?

– Третий год.

Бармен принес девчонкам кофе и коньяк. С любопытством поглядывая на Кононова, они стали пробовать напитки.

– Я вижу, вам здесь неплохо.

– Не жалуемся.

– Сколько берете за час?

– А что, хотите развлечься?

– Неплохо бы.

– Мы с соотечественниками обычно не работаем... У нас, знаете ли, народ бедный и торопливый. Приедут на стадионную барахолку, затарятся, рысцой по магазинам – и с сумками назад в автобусы.

– Я не из их числа, – еще шире улыбнулся Кононов и демонстративно отвернул полу пиджака, где красовалось имя всемирно известного итальянского кутюрье.

– Сто марок в час каждой, – деловито сказала Анжелика.

– Двести баксов за два часа обеим. Номер в гостинице за мной.

* * *

...Анжелика встала с постели, потянулась, демонстрируя великолепную грудь.

– Ты просто какой-то самец. Я думала, у меня кости таза разойдутся. Долбил и долбил, долбил и долбил.

– Я всегда возбуждаюсь, когда живьем вижу настоящие лесбийские номера, – сказал Кононов, закуривая ментоловую сигарету.

Лада, лежавшая рядом, поглаживая его по груди, двумя пальцами перехватила зажженную сигарету.

– Мы же профессионалки, – сказала она, затянувшись и выпустив тонкую струйку мятного дыма.

– Вы этому у себя на Волге научились?

– Нет, уже здесь, – ответила Анжелика, выходя из комнаты. – Вы там поболтайте, а мне в ванную надо.

– В Горьком мы были пай-девочками, – хихикнула Лада. – Ходили в школу, учились в техникуме.

– Надеюсь, не в железнодорожном?

– Нет, советской торговли.

Она игриво скосила глазки.

– Значит, карьера советских продавщиц вас не привлекала?

– Ни капельки.

– И что, сами рискнули податься сюда?

– Нашлись добрые люди, помогли выехать, здесь устроили. Сначала тяжело было.

– Приходилось много отстегивать?

– Много. Однокомнатную хибарку снимали за свои, все попутные расходы тоже. А это, знаешь, сколько? Всем дай. Полицианту, чтоб не цеплялся каждый день, швейцару в гостинице. Косметика, шмотки – на все деньги нужны. Да еще сутенеру половину отстегни. Вот так и вертелись. Слава Богу, нас хоть не били...

– The same old story, – сказал Кононов по-английски.

– Что? – не поняла Лада.

– Старая, старая сказка. Ты что, по-английски не понимаешь?

– Так, пару слов знаю. А вообще-то, – она подмигнула, – я больше по-французски обучена языком работать.

– Да, минет у тебя хорошо получается. И подружку свою ты языком красиво обрабатывала. Талант у тебя, дорогуша.

– С него и живу, – засмеялась проститутка.

Затушив окуроч в пепельнице, она соскользнула с постели и стала надевать колготки.

– А в ванную? – спросил Кононов.

– Зачем? Ты же в меня не кончал, – спокойно ответила она.

Вскоре к подруге присоединилась Лада. Девушки, торопливо одевшись, быстро направились к двери.

– Ну, адью, Шурик, – пропела Лада, подняв руку и шевельнув пальчиками. – Если еще захочешь, приходи в бар. У нас там постоянное рабочее место.

Дверь закрылась. Кононов еще пару минут лежал, расслабленно пуская кольца дыма к потолку.

«Скорей бы все это кончилось, – подумал он. – Покатаюсь по свету, попробую шведок, итальянок, филиппинок, японок. Говорят, тайки какие-то особенные. В Таиланде я еще не был. Обязательно надо побывать...»

В дверь тихонько постучали. Кто там еще? Проституткам ведь заплатил вперед. Или забыли что-нибудь? А может, это портье?

– Сейчас, минуточку! – крикнул он, поднимаясь.

Кононов заглянул в ванную комнату, сдернул с вешалки широкое махровое полотенце, обернул его вокруг пояса.

Стук повторился.

– Уже иду.

Щелкнув английским замком, Кононов широко распахнул дверь и остолбенел. Прямо в лоб ему был направлен ствол пистолета, который держал в руке тот самый молодой человек в цветастой майке и джинсах, прогуливавшийся возле колонны Сигизмунда.

– Тихо, – сказал он на чистом русском языке.

Кононов отступил на шаг назад, рефлекторным движением приподняв вверх руки. Обмотанное вокруг пояса полотенце с легким шорохом упало на пол.

– Прикрой елдак, – не повышая голоса, произнес гость.

Кононов чуть резче, чем надо, наклонился.

– Не дергайся, аккуратно. Вот так. Теперь повернись вполоборота и топай к дивану.

Кононов послушно выполнил все приказания незнакомца и сел на диван, лихорадочно размышляя о происходящем. Что все это может означать? Попытка ограбления? Проститутки стукнули своему сутенеру, и он пришел требовать лишних бабок? Это больше всего похоже на правду. Простой грабитель вряд ли станет действовать в одиночку, будучи даже вооруженным.

А вот сутенер вполне мог отважиться на такое. «Ух, шлюхи-хренососки, – со злостью подумал Кононов, – видели, что я один, бабок полно, номер без охраны. Но как он сюда проник? Ежи, как всегда, дежурит внизу на своем посту, чужих не пропускает. Сколько же ему забашлял этот урод? Ладно, я с ним еще разберусь».

Опустив оружие, молодой человек почему-то не стал входить в номер, а отступил в сторону. «Что происходит? Ничего не понимаю...»

В следующее мгновение он понял, что происходит. На пороге показались двое мужчин в почти одинаковых черных костюмах, белых сорочках с разноцветными галстуками, с кожа-

ными кейсами в руках. Один, с проседью в волосах, был постарше – лет сорока пяти, другой – помоложе и элегантнее. Оба спокойно вошли в номер.

– Здравствуйте, Александр Игоревич, – наклонил голову седой.

Потом повернулся к молодому человеку в цветастой майке:

– Погуляй в коридоре... пока.

* * *

Примерно в то же самое время, но полутора тысячами километров восточнее, в подмосковном городе Запрудном, происходила еще одна малоприятная для ее участников встреча.

Константин Панфилов, вернувшийся из Москвы и пребывавший в довольно мрачном настроении, вошел в свой офис. Споткнувшись о торчащий под ногами уголок линолеума, чертыхнулся, подумав, что всего-то ничего времени прошло после ремонта, а уже пора полы перестилать.

В приемной у кабинета его встретила секретарша. Жанна Макарычева, работавшая у него третий год, почти не изменилась за это время.

Она все теми же влюбленными глазами смотрела на своего начальника, терпеливо ожидая рождения ответного чувства. Казалось, ничто не может заставить ее свернуть с раз и навсегда выбранного пути. Она прекрасно знала, что сердце ее любимого Константина Петровича принадлежит другой. Но Жанна не теряла надежды, что этот роман когда-нибудь кончится. Судя по последним событиям, ее ожидания вполне могли сбыться.

– Константин Петрович, – не сводя взгляда с Панфилова, сказала она, – вам уже два раза звонил Исаак Лазаревич Копельман из фирмы «Контур».

– Ты бы ему сказала, что я с ним свяжусь, и дело с концом.

– Я именно так и поступила. Он перезвонил еще раз, буквально минут за пять до вашего прихода.

– Хорошо, сейчас наберу его...

– Его нет на работе. Именно поэтому он и звонил. Просил искать его по сотовому. Вот номер.

Она протянула Панфилову листок с аккуратно выведенными цифрами. Константин глянул на бумажку, засунул ее в наружный карман пиджака.

– Да, кстати, Жанна, подними-ка бумаги. Сколько мы заплатили в прошлом месяце за услуги «Московской сотовой связи»?

– Хорошо.

– Еще что-нибудь было?

– Нет, все остальное я решила в рабочем порядке. Несколько звонков переадресовала главбуху.

– Я буду у себя.

– Подождите, Константин Петрович. Чуть не забыла. Как только вы уехали, звонил какой-то Шалимов.

Глаза Константина потемнели, зрачки сузились. Эта настороженность не ускользнула от всепоглощающего взгляда секретарши.

– Что-нибудь не так?

– Наверное, не Шалимов, а Шаримов, – уточнил он.

– Может быть, я не разобрала. Было очень плохо слышно. Это что-то важное?

– Что он спрашивал?

– Ничего. Только – на месте ли вы. Я ему сказала, что нет. И спросила, что передать. Он сразу положил трубку. Даже номера не оставил.

Потерев подбородок, Константин вошел в кабинет. Жанна проводила его недоуменным взглядом.

«Похоже, вся городская братва всполошилась. Копельман уже наверняка взял за горло Сашу Порожняка. И Айваз, который обычно хоронится на глубоком дне, всплыл. Зачем?»

О том, кто такой Айваз Муса-Оглы Шаримов, в Запрудном знали немногие. Упоминания его имени нельзя было встретить даже в оперативных сводках городского управления внутренних дел. Перед милицией Айваз – такую погонялу он получил во время своей первой и единственной ходки на зону по статье за валютные спекуляции – был чист, аки агнец. Дело в том, что еще пару лет назад у Айваза была совсем другая фамилия. Он прибыл в Подмоскovie под видом беженца из Нагорного Карабаха с чужими временными документами. От прежней жизни у него осталась лишь кличка, зафиксированная ныне в графе «имя» нового паспорта.

Став полноправным российским гражданином с чистой биографией, Айваз вел себя тихо и старался не привлекать излишнего внимания органов. Между тем он был одним из самых влиятельных людей Подмоскovie, хотя и числился лишь менеджером производственно-коммерческой фирмы «Триал».

В уставе «Триала» были записаны самые разнообразные формы деятельности, но основной доход приносила широкомасштабная торговля нефтью и нефтепродуктами.

Директор «Триала» Юрий Трошин только благодаря Айвазу смог опутать сетью своих бензоколонок, стационарных и контейнерных, едва ли не все Подмоскovie.

Контракты на поставки сырой нефти из Азербайджана, переработка ее на крупном нефтеперерабатывающем заводе в одной из ближних областей, поставка нефтепродуктов не только на собственные заправочные станции, но и на крупные государственные нефтебазы, а также в ближнее и дальнее зарубежье – все это находилось под пристальным надзором Айваза.

Большинство сотрудников фирмы «Триал» не подозревали о наличии в штате фирмы такой должности и тем более не знали о человеке, который ее занимал.

Но Юрий Михайлович Трошин, бывший инструктор горкома партии, а ныне преуспевающий бизнесмен, ни на минуту не забывал, кому он обязан своим благополучием.

Как только Айваз развернул свой бизнес на нефтепродуктах, деньги рекой потекли в московский общак азербайджанской группировки. Шаримов обратил на себя внимание серьезных людей из первопрестольной и в минувшем году заслужил право прибавить к своей скромной кличке слово «вор». Некоторые «доброжелатели», правда, поговаривали, что Айваз купил сан за бабки. Но доверие к нему московских авторитетов азербайджанской общины было столь велико, что слухи быстро рассеялись. Сам Айваз в кругу близких друзей часто посмеивался: не пойман, а вор.

Должно было случиться что-то неординарное, если Айваз начал лично искать встречи с Панфиловым...

Первым делом Константин позвонил Копельману. Обсуждать вопросы по телефону Исаак Лазаревич наотрез отказался. Может, догадывался о том, что все его телефонные разговоры с некоторых пор аккуратно записывались на пленку людьми Панфилова. А может, просто перестраховывался.

Сейчас Копельман обедал в небольшом загородном ресторанчике «Дед Мазай» и приглашал Константина разделить с ним трапезу. Сегодня у «Деда Мазая», словно в насмешку над известным некрасовским персонажем, подавали жаркое из зайчатины, приготовленное по старинному русскому рецепту.

Константин согласился. В конце концов, нужно же чем-то компенсировать неизбежные моральные издержки.

Прежде чем отправиться на обещавшую мало приятного – кроме стола, конечно, – встречу, Панфилов заглянул в технический отдел службы безопасности. Семенова на месте не было, но его присутствия и не требовалось для того, чтобы решить маленькую техническую задачу.

Двое квалифицированных инженеров-электронщиков быстро сделали то, о чем просил их Панфилов. В элегантную, инкрустированную золотой фольгой зажигалку известной фирмы «Ронсон» был вмонтирован миниатюрный микрофон с радиопередатчиком, позволяющий прослушивать и записывать звуковую информацию на расстоянии около километра. Питание микрофона осуществлялось от стационарного микроаккумулятора и обеспечивало бесперебойную работу на протяжении нескольких месяцев. Большого срока и не требовалось.

На встречу Константин отправился не один. Опережая его черную «Волгу», в сторону ресторана «Дед Мазай» выехал довольно потрепанный с виду серый «ИЖ»-каблучок с надписью на борту «Ремонт аудио-, видеотехники». Машина эта не должна была вызвать никаких подозрений, потому что на самом деле принадлежала панфиловской фирме, одно из подразделений которой – маленькое ателье – занималось ремонтом аппаратуры. Так что люди в машине могли совершенно спокойно демонстрировать ее содержимое без опасений быть разоблаченными. Все эти осциллографы, сложные измерительные приборы и прочая техника полностью соответствовали характеру реально выполняемой работы.

А то, что они попутно позволяли прослушивать милицейские рации, телефонные и радиопереговоры, снимать сигналы с радиомикрофонов и прочее, едва ли пришло бы кому-нибудь в голову.

Денег технический отдел пожирал уйму, а по-настоящему пока так и не развернулся. Но Константин был уверен, что эти расходы обязательно окупятся.

В коридоре его успела поймать, схватив буквально за рукав пиджака, секретарша.

– Константин Петрович, вот платежка.

– Какая платежка?

– Вы просили узнать, сколько мы заплатили в прошлом месяце «Московской сотовой связи».

– Ах да, извини.

Панфилов глянул на цифры и от удивления поднял брови.

– Это ж целое состояние. Кто у нас столько наболтал? Я вообще стараюсь «сотовиком» не пользоваться. Ну, Владимир Иванович, это понятно. Но он же один.

– Не забывайте про Григория Валентиновича.

– Что, Володина? Это с каких пор мы стали за него платить?

– С прошлого месяца. А что, разве это не так?

– Ну-ка, ну-ка...

– Вы тогда... – Жанна многозначительно кашлянула, – в Москве пропадали. А Григорий Валентинович зашел и сказал, что с вами он договорился и теперь мы будем оплачивать его счета.

Константин еще раз взглянул на длинный ряд нулей в платежной ведомости и зло сжал зубы.

– Да это уже крысятничество какое-то, – проговорил он.

– Что? – переспросила Жанна.

– Володину не говори, я сам разберусь.

* * *

Людей Саши Порожняка Панфилов увидел не доезжая метров пятисот до ресторана «Дед Мазай». «Порожняк работает в лучших традициях советской милиции, – подумал Константин,

глядя на четырех мрачных субъектов, лениво покуривавших и поплевывавших под ноги рядом с новеньким, сияющим лакированными поверхностями белым „Мерседесом“. – Берет не умением, а числом. Одного я знаю – это Ермолай. Остальные – шушера, „быки“. Волына наверняка есть у Ермолая и, может быть, еще у кого-нибудь из этих бойцов. А я вот своих парней не взял. Может, оно и ни к чему было, а может... Ладно, как говаривал покойный капитан Елизаров, будем посмотреть».

Он свернул с дороги на стоянку рядом с «Дедом Мазаем», припарковал машину неподалеку от «Мерседеса» Саши Порожняка.

«Быки» во главе с Ермолаем побросали окурки, вытянулись. «Интересно, что они во мне такого увидели? Калаша в руках вроде нет. Батальон бойцов с собой тоже не привез».

Открыв дверцу, он направился прямо к Ермолаю. Похоже, поведение Панфилова было для того неожиданностью, ибо он так и остался стоять позади своих «быков».

– Привет, Ермолай, – сказал Константин, останавливаясь у переднего бампера «мерса».

– Здорово, коль не шутишь, – ухмыльнулся тот.

– «Мерс» недавно взяли? Что-то я его раньше не видел.

– Недавно.

– В Германии?

– Из Москвы, – ощерился Ермолаев. – Если хочешь, могу адрес автосалона дать.

– Не надо.

– Так и будешь, – сплюнул Ермолай, – на «волгаре» сраном рулить?

Константин оставил без внимания вызывающе развязный тон порожняковского прихлебателя.

– Ладно, пацаны, не скучайте тут.

– Топай! – крикнул ему вслед Ермолай. – Тебя там давно ждут!

Ресторан «Дед Мазай» волей фантазии архитектора был построен в виде сказочной избушки. Покатая бревенчатая крыша, крылечко с резными деревянными перилами, толстая дубовая дверь, обшитая металлом, похожим на латунь. По металлу – резные и чеканные изображения зверей: медведи, лисы, зайцы. Над дверью громадный фонарь: довольно изящное чугунное литье. Лампа в фонаре по размерам больше годится для прожектора.

Константин, потянув на себя дубовую дверь, вошел в ресторан. Все довольно просто, никаких холлов, вестибюлей. Сразу же от двери зал с двумя рядами резных деревянных столов. Стены отделаны панелями из мореного дуба, в потолок упираются четыре толстых резных столба.

«По-моему, – подумал Константин, – этот ресторан надо было назвать „Избушка на курьих ножках“ или „Баба Яга“. А может, Баба Яга у них официантка? Летает в ступе между столами, очень удобно метлой грязную посуду смахивать».

Все столы в ресторане, за исключением единственного, были пусты. В самом дальнем углу, возле окна с тонкой резной деревянной рамой сидели глава фирмы «Контур» Исаак Копельман и Саша Порожняк. На столе перед ними стояла початая бутылка коньяка, вокруг нее тарелки с закуской. Копельман хлебал борщ из простой крестьянской плошки, даже не задумываясь, насколько смешон он с деревянной ложкой в руках. Увидев Панфилова, отставил плошку в сторону и жестом пригласил к столу.

Саша Порожняк, потягивавший коньячок из маленькой рюмки, смерил Панфилова сумрачным взглядом.

– Мир вашему дому, – сказал Константин, присаживаясь.

В ответ Копельман лишь кивнул – мол, здоровались по телефону, а Порожняк сказал:

– Здорово, Жиган. Пить будешь?

– Благодарю, я за рулем.

– Че, никто из твоих бойцов рулить не может?

– Я люблю водить сам. Да и с собой не брал никого.

– Без понтов? – недоверчиво спросил Порожняк.

– Я же не думал, что это ты мне стрелку забиваешь. Вон, Исаак Лазаревич позвонил, попросил встретиться. Я и приехал.

– Ну, Жиган, ты даешь. Или, может, порожняк гонишь? Посадил мазутку где-нибудь в кустах.

Жиган промолчал: думай, мол, Порожняк, что хочешь, я оправдываться не стану.

– Ладно, не хочешь пить – насильно в хавло заливать не буду, – хмыкнув, решил Порожняк.

– Поесть вот – не откажусь.

Саша Порожняк, не оборачиваясь, лениво приподнял руку. Спустя мгновение открылась не заметная простому взгляду дверь в стене, и оттуда на рысях выскочил шустрый халдей. Виртуозно свернув между столами, он лихо поставил перед Константином глиняный горшочек с крышкой. Тут же рядом с горшочком нарисовались приборы, крышка исчезла, и в лицо Жигану пахнуло густым ароматным запахом тушеной зайчатины.

Официант исчез за дверью еще быстрее, чем вынырнул оттуда.

– Вышколенный персонал, – заметил Жиган. – Только слышал я, будто ресторанчик ваш прибыли совсем не дает.

– От кого это ты слышал? – скривился Саша Порожняк.

– Земля слухами полнится. – Константин попробовал жаркое. – А зайчатинка хороша. И чего это люди от «Деда Мазая» нос воротят? Нет, я серьезно. Кухня-то здесь хорошая.

Копельман, опрокинувший рюмку коньяку и поглощавший кусок осетрины по-монастырски, пробормотал:

– Кухня настоящая, русская.

– Рекомендую где-нибудь поблизости бензоколонку поставить. Остановится человек заправить машину, глядишь – пообедаст. А то что ж получается – настоящая русская кухня, спиртное опять же свое, а прибыли никакой.

Лицо Копельмана при упоминании о спиртном болезненно перекосилось. Проглотив неразжеванный кусок осетрины, он как-то гнусаво произнес:

– Ты первый об этом сказал.

– Что такое, Исаак Лазаревич? – Константин решил воздержаться пока от шуточек. – Какие-нибудь проблемы?

Копельман начал издали:

– Послушай меня, Константин Петрович. Я намного старше, я повидал жизнь, всяких людей встречал на своем веку – молодых, старых, высоких таких, красивых, вроде тебя, смелых, энергичных. Были также люди тихие, скромные, в чужие дела не лезли, никому не мешали. Видел я в этой жизни и много печали. Люди становились инвалидами, теряли близких, сами умирали. И знаешь, драгоценный мой Константин Петрович, кого судьба чаще всего била по голове?

– Догадываюсь, – сказал Константин, отодвигая в сторону горшочек с тушеной зайчатиной.

– Это очень хорошо, что ты понимаешь ход моей мысли. Да, чаще всего жизнь – ах, эта злодейка судьба – немилосердно обходилась с людьми, обладавшими очень хорошими задатками. Вот по какому-то странному стечению обстоятельств многие из них, увы, не дожили до сегодняшних дней. А лучше всех себя сегодня чувствуют те, кто всегда знал меру.

– Исаак Лазаревич, ты никак мышиною судьбой меня соблазняешь?

Константин вынул сигарету, щелкнул зажигалкой, положил «Ронсон» на стол перед собой.

– Упаси Бог, Константин Петрович. Ты у нас не последний человек. Говорят, даже герой. А я – бедный еврей. Что я могу посоветовать такому выдающемуся человеку?

– Я что-то никак не пойму, Исаак Лазаревич, к чему ты клонишь? Это что, разговор по душам или деловая встреча? Не тяни кота за яйца.

На пухлом лице Копельмана появилась брезгливая гримаса.

– Ай-яй-яй, как грубо, – снова прогнусавил он. – Я ж хотел поговорить с тобой просто за жизнь, прежде чем переходить к скучной прозе.

– Давай-давай, переходи, – не особо церемонясь, сказал Жиган.

– Хорошо, – согласился Исаак Лазаревич без энтузиазма, – только это лучше получается у Александра Захаровича.

– Ладно, не будем искать кобылу у цыгана. С делишками у нас кисляк. Кто-то отогнал карету с дымом, а водилу и моего пацана завалили.

– И много было спирта? – поинтересовался Панфилов.

– Шестнадцать тонн, – вставил Копельман, – а прямые убытки – многие тысячи долларов.

– При чем тут я? – спокойно спросил Жиган.

На сей раз Копельман затараторил первым, не дав Порожняку открыть рта:

– Ты не подумай дурного, Константин Петрович. Мы же не утверждаем, что ты совершил такую гадость по отношению к нам. Но ведь что получается при простом сопоставлении фактов? Ты уже давно занимаешься этим делом. Мы с тобой договорились, что твое, а что наше. Ты в целом условия выполняешь, но не даешь нам развернуться. Или, скажем так, – выполнял до сих пор. В обмен на то, что мы допустили тебя до бензина.

– Бензином занимаюсь не я, а Володин, – уточнил Константин.

– Ай-яй-яй, – скривился Копельман, – зачем эти тонкости. Все знают, что Гриша Володин – бедный маленький человек. Вечно просит что-нибудь, мелочь по карманам собирает. Если у него когда-нибудь и были деньги, так только чужие. Ты взялся за бензин, мы разделили доли, и тебе никто не мешал.

– Я только уточнил позиции.

– Хорошо, будь по-твоему. Какая-то сволочь устроила, выражаясь словами Александра Захаровича, кипиш на Гришиной заправке. Но я тут при чем? Посмотри на меня, Константин Петрович, разве я способен на такое? Я веду свой бизнес цивилизованными методами, – сказал он, а потом уклончиво добавил: – Ну, или стараюсь вести. И что мы должны думать с Александром Захаровичем в случае с нашим спиртом?

– О случае с вашим спиртом я впервые слышу от вас. Когда это произошло?

– Буквально накануне. Ведь это ж такие неприятности, такие неприятности...

Как бы в подтверждение своих слов Копельман опрокинул рюмку коньяку и сунул в рот дольку лимона. Некоторое время он еще нервно ерзал на стуле, чмокал губами, вздыхал и наконец извиняющимся тоном сказал:

– Ох, из-за всех этих неприятностей я так разволновался, так разволновался. Мне надо в туалет. Вы пока без меня поговорите.

Копельман с шумом отодвинул стул, вскочил из-за стола и так же незаметно, как официант, растворился за малоприметной дверью в стене.

– Пока этот марамойка поверзает, – сказал Саша Порожняк, – мы с тобой перетрем побыстрому. Я знаю, ты человек свойский, кипишевать и внятяжку брать не будешь, как этот ветрогон. Но ты и нас пойми. Братва беспокоиться начинает.

– Еще бы...

– От этого Мойши к нам бабки приходят. Он, конечно, тоже не подарок, с тараканом в котелке, но башляет исправно. Братва просто хочет воздух понюхать. Наезжать на тебя мы не собираемся, упаси Бог.

– Вот так-то лучше. А то я, честно сказать, даже не вкурил сразу. Вроде как Изя, которого одним пальцем закошмарить можно, меня пугать вздумал.

– Это у него от страха крыша чуток поехала. Решил понтов нагнать.

– Со мной этот номер не пройдет.

– Знаю. Но, чтобы у меня на душе было спокойно, побожись.

– Гадом буду.

– Вот и ладошки, – кивнул Саша Порожняк и протянул Жигану ладонь.

Они обменялись рукопожатием. Потом авторитет плеснул себе в рюмку коньяку и с наслаждением выпил. Жиган достал из пачки сигарету и закурил, шелкнув зажигалкой.

– Клевая бимба. – Порожняк бросил выразительный взгляд на зажигалку. – Дай-ка зырнуть.

Жиган передал ему «Ронсон».

– Дарю.

Саша повертел зажигалку перед глазами, шелкнул пальцем по золотой инкрустации.

– Рыжуха, в натуре.

– Говна не держим.

– У Бар-Исраэла похожая есть. Но зажался, мол, подарок от супруги. О, легок на помине.

Поправляя штаны, в зал вкатился Копельман.

– Ну че, обхезался? – хохотнул Саша Порожняк, когда Исаак Лазаревич занял свое место за столом.

Копельман смущенно кашлянул.

– Ладно, не красней. Мы тут без тебя все вопросы решили. Больше на Жигана батон не кроши. Он перед нами чистый.

– Константин Петрович, я был совершенно уверен в том, что все на самом деле обстоит именно так, – не моргнув глазом, соврал Копельман. – Я всего лишь хотел, выражаясь вашими словами, уточнить позиции. Чтобы между нами не было никаких недомолвок. А то, знаете ли, злые языки говорят: вот, мол, под носом у Копельмана такое творится, а он ничего не предпринимает.

– Заметано, – давая понять, что разговор закончен, сказал Саша Порожняк.

Он сунул панфиловский подарок в нагрудный карман рубашки и поднялся из-за стола.

– Жиган, ты мою тачку видал?

– Серьезная машина.

– Проводить меня не в лом?

– Отчего ж. Будь здоров, Исаак Лазаревич, не кашляй.

Оставив Копельмана наедине с напитками и закусками, они вышли из ресторана. Братки, дежурившие у белого «Мерседеса» Саши Порожняка, поначалу слегка напряглись. Но, увидев на лице шефа выражение сытого спокойствия, поняли, что могут расслабиться. Авторитет подошел к «Мерседесу», распахнул дверцу и широким жестом пригласил Жигана сесть на водительское место.

– Оцени.

Константин сел за руль, бегло глянул на приборную панель, попробовал педали.

– Что я могу сказать – салон просторный, отделка хорошая. Комфорта хватает.

– Ты вон там, сбоку глянь, под правой клешней.

Жиган положил руку на рычаг переключения передач.

– Ты про коробку передач говоришь? Ну, видел я такие. Автомат?

Братки, окружившие машину, громко разгоготались.

– Ермолай, покажь ему коробку-автомат.

Ермолай сел в машину на место пассажира рядом с креслом водителя и положил широкую ладонь на пластмассовую коробку у подлокотника.

– Смотри сюда.

– А что тут особенного? Обыкновенная коробка для кассет.

– Не-а.

Ермолай откинул крышку. Из коробки торчал ствол укороченного «калашникова». Братки снова разгоготались. Ермолай и вовсе веселился, как ребенок, заливаясь хохотом и потирая ладони.

Иронически улыбнувшись, Жиган вышел из машины.

– Благодарю за экскурсию, – распрощался он с Порожняком. – Приглядывай за «мурзилкой», он у тебя дорогой. И в коробку не забывай масла подливать, а то быстро накроется.

Братки снова поймали «хи-хи», а Жиган направился к своей черной «Волге». Потом остановился вдруг и, обернувшись, спросил:

– Какой идиот придумал это название для ресторана?

* * *

Застегивая верхние пуговицы на рубашке, Кононов повернулся к гостям, сидевшим в креслах напротив дивана.

– Зачем было устраивать весь этот спектакль? – с легкой укоризной в голосе спросил он. – Я ведь никуда не сбегал и не прятался.

– А у нас сложилось именно такое впечатление, Александр Игоревич, – сказал седовласый.

– По-моему, я не давал повода к беспочвенным подозрениям.

– Вот об этом мы и хотим поговорить.

Гости Кононова в особом представлении не нуждались. Представительный мужчина с благородной сединой был сопредседателем правления, отвечавшим за охрану и информационную безопасность, Евгением Николаевичем Строгиным. В функции Строгина входила также забота о безупречной репутации Российского коммерческого биржевого банка. Со своей работой он справлялся прекрасно. Этому способствовало то, что Евгений Николаевич Строгин раньше занимал кресло заместителя начальника одного из управлений Комитета государственной безопасности, где занимался операциями щекотливого характера.

Второго гостя, того, что помоложе, звали Ильясом Каримовым. Он работал начальником управления валютных операций Роскомбирбанка.

– В Москве нарастает беспокойство в связи с вашим отъездом. До паники еще далеко, но при определенных условиях...

– Я что-то не вполне понимаю, в чем дело. У меня командировка по служебным делам, я ведь регулярно отлучаюсь за рубеж, и до сих пор это никого особенно не волновало.

– До некоторых пор дела в банке шли нормально, – подтвердил Строгин, – но сейчас кое-что изменилось.

– Что?

– Не хочу быть голословным. Ильяс Абдулкаримович, – обратился Строгин к начальнику отдела валютных операций, – покажите документы.

Каримов открыл лежавший у него на коленях «дипломат», и передал Кононову несколько бумаг.

– За две недели до отъезда, – сказал сопредседатель правления, – через наши филиалы в провинции в адрес некоего «Юниверсал банка» на Багамских островах ушли платежи в общей сложности на десять миллионов долларов. И ушли они по весьма любопытному маршруту – в обход нашего процессингового центра. Мы смогли заполучить эти документы только благодаря хорошим связям Ильяса Абдулкаримовича. А ведь они изначально должны были проходить через него.

- Хм... очень любопытно. И кто же визировал эти транзакции?
- Директора отделений, но я уверен, что это отнюдь не их инициатива.
- Я вроде бы что-то припоминаю относительно Багамских островов. Но транзакции делались в обеспечение контракта на покупку ценных бумаг.
- Никаких ценных бумаг в банке нет.
- Обычная задержка.
- Маклерская фирма, с которой был заключен контракт, зарегистрированная в оффшорной зоне, самоликвидировалась, – чуть помедлив, сказал Строгин. – Мы проверили. Кононов изобразил на лице крайнее удивление.
- Я этого не знал.
- У нас есть основания полагать, что вы не только знали об этом, но и каким-то образом причастны к столь прискорбному событию. Хотите взглянуть на бумаги?
- Это какое-то недоразумение. Я не имею никакого отношения к делам, которые вы пытаетесь приписать мне.
- Подробности мы выясним, уверяю вас, Александр Игоревич. И очень скоро. А до тех пор нам придется подстраховаться. Аркадий!
- В номер вошел молодой человек, ожидавший за дверью. Оружия в его руках не было. Очевидно, он спрятал пистолет за пояс под майкой.
- Давайте-ка свои документы, Александр Игоревич, – продолжил Строгин. – И кредитные карточки не забудьте. Не испытывайте моего терпения.
- Кононову оставалось только повиноваться. Он достал из своего кейса документы и передал их Строгину.
- Вот так-то лучше.
- Документы исчезли в чемоданчике сопредседателя правления Роскомбирбанка.
- Посидите пока под домашним арестом – до выяснения подробностей. Но я бы вам посоветовал просто вернуть деньги. Десять миллионов долларов в обмен на жизнь и свободу – не такая уж большая для вас уступка.
- Я не понимаю, о каких десяти миллионах долларов идет речь?
- Не прикидывайтесь простачком. Или память подводит?
- Это ошибка, – упрямо повторил Кононов. – Я не имею отношения ни к каким мошенническим операциям с деньгами наших акционеров.
- Они еще спросят вас об этом, дорогой мой юноша, – холодно улыбнулся Строгин. – Подумайте о моем предложении пару дней, пока я буду заниматься определением степени вашей вины перед банком. Все это время за вами будет присматривать Аркадий. Шутить с ним не советую. Он очень серьезный человек.
- Перед тем как уйти, Строгин остановился перед Кононовым и с размаху влепил ему пощечину.
- Урок на будущее. Чтобы не обманывал старших, пачкун.

Глава 9

Ресторан «Жар-птица» при всем желании никак нельзя было отнести к числу наиболее изысканных в городе. Он был открыт в здании бывшей столовой небольшого завода, выполнявшего прежде заказы оборонной промышленности.

С приходом в упадок оборонки и резким сокращением госзаказа заводик захирел. Рабочие увольнялись, переквалифицировавшись кто в челноки, кто в автомеханики. Иные сколотили бригады и занялись строительством бурно разраставшихся коттеджных поселков.

С упадком завода захирела и столовая. Руководство предприятия сначала сбагрило ее городу. Но пустая городская казна не позволяла улучшить положение. В исполкоме тоже решили избавиться от ненужной столовой и передали ее в аренду коллективу. Директор обил пороги всех финансовых учреждений города, но лишь в одном банке соглашались дать небольшой кредит, да и то при условии переоборудования столовой в ресторан. Другого выхода не оставалось.

Так на карте Запрудного появилась еще одна питейная точка – ресторан под претенциозным названием «Жар-птица».

Даже несмотря на то, что наступили новые времена и вокруг стали появляться новые дорогие заведения для богатых, в ресторане «Жар-птица» все напоминало советские времена.

Задрапированные темно-зеленой тканью стены (чтобы скрыть недостатки наспех, кое-как, проведенного ремонта), облицованные кафелем колонны, стойки, отделенные друг от друга обтянутыми дерматином перегородками.

В дальнем углу располагался небольшой подиум с аппаратурой для дискотеки, сварга-ненной руками местных умельцев. Место вдоль стены занимала стойка бара с кофейным автоматом и батареями разнокалиберных спиртных напитков.

Свободного пространства для танцев оставалось немного, и по вечерам подвыпившая публика тряслась под грохотание музыки в проходах между столиками.

Несмотря на плохонькую кухню и убогий интерьер, ресторану грех было жаловаться на отсутствие публики. Посетителей влекло обилие дешевого спиртного. Редко кто из клиентуры обращал свое внимание на дорогие импортные вина и коньяки, украшавшие стену за стойкой бара. «Беленькая» составляла основную часть доходов «Жар-птицы». Правда, сама о том не подозревая, публика употребляла продукт, мало соответствующий нормам стандарта. Разница в несколько градусов не так уж и заметна, особенно после первых ста граммов.

Конечно, для всевозможных проверок всегда наготове была «Пшеничная» или «Московская» нужных кондиций. Но проверки проводились редко, и Ефим Наумович Айзеншток, директор ресторана, всегда знал о них заранее – благодаря хорошим связям.

«Жар-птица» была почти единственным для Исаака Копельмана, если не считать нескольких торговых точек, пунктом сбыта «левой» водки. Главе фирмы «Контур» стоило больших трудов завладеть «Жар-птицей».

Прочие подобные заведения установили давние и надежные контакты с более могущественным производителем. Да и с «Жар-птицей» Копельман смог договориться лишь после того, как путем закулисных интриг, по инициативе трудового коллектива бывшей столовой добился увольнения прежнего директора и поставил туда своего человека.

Маленький заводик в деревне Сморгчево, замаскированный под цех по производству фруктовых напитков, наконец-то стал приносить прибыль.

Ресторан опекали люди Саши Порожняка. Благодаря такой «крыше» основную часть клиентуры составляла шпана из прилегающих районов. Нередко в «Жар-птице» вспыхивали драки, перераставшие в поножовщину, и ресторан завоевал в городе дурную репутацию.

Тем не менее Айзенштоку удавалось снимать все неизбежно возникающие в городских коридорах власти вопросы. Сказывался опыт руководящей работы в торговле и на предприятиях общественного питания, приобретенный Ефимом Наумовичем еще в советские годы.

Да и результаты проверок говорили, что формально к «Жар-птице» придраться не за что.

В общем, дела в «Жар-птице» шли как нельзя лучше, ручки фальшивой водки быстро превращались в денежные потоки. Ефим Айзеншток, Исаак Копельман, Саша Порожняк и закормленные взятками чинуши потирали руки – синюшная клиентура гужевала от рубля и выше.

Но всему хорошему, как известно, когда-нибудь приходит конец. Коварная судьба-злодейка нанесла удар с той стороны, откуда не ожидали ни Ефим Наумович, ни Исаак Лазаревич, ни Саша Порожняк.

Водочная река неожиданно пересохла. Кое-какой запас в ресторане у Айзенштока еще оставался, но он так стремительно иссякал, что Ефим Наумович забил тревогу.

Приехав в контору Копельмана, он застал Исаака Лазаревича в подавленном состоянии духа.

– Изя, что происходит? – спросил Айзеншток, усаживаясь в кресло в рабочем кабинете директора фирмы «Контур». – Товара не было вчера, товара не было позавчера, его нет-таки уже целую неделю.

– Я знаю. – Уныло подперев подбородок рукой, Копельман смотрел мимо директора «Жар-птицы».

– Нет, вы посмотрите на него – он знает, – дернув плечами, возмутился Айзеншток. – Через час у меня в подсобках останется один запах. Я же не могу работать в таких условиях!

Копельман достал из пачки сигарету «Мальборо» и зачем-то принялся разминать ее толстыми волосатыми пальцами.

– Фима, не кипятись. Мы с тобой оба деловые люди и знаем, что глоткой такие вопросы не решаются.

– А что прикажешь делать? Может, лучше сразу поставить на заднем дворе самогонный аппарат? Или ехать в Москву, втридорога покупать кристалловский товар? Нет уж, Изя, уволь. Мое дело продавать, а ты должен обеспечивать фронт работ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.